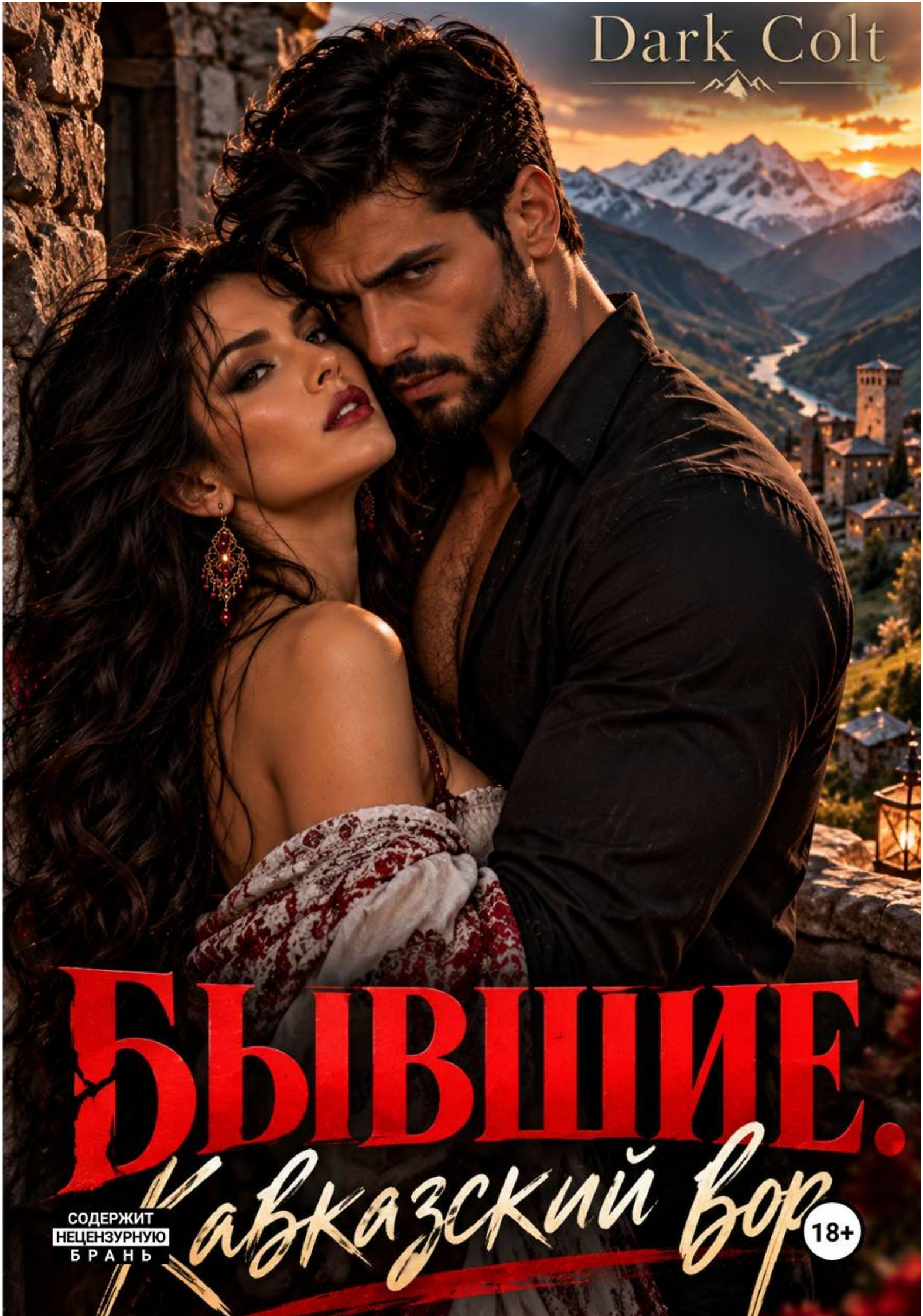

Dark Colt
БЫВШИЕ.
Кавказский Бор
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Dark Colt

Бывшие. Кавказский вор

«Автор»
2026

Colt D.

Бывшие. Кавказский вор / D. Colt — «Автор», 2026

Он вернулся, чтобы отомстить. А она, чтобы доказать, что больше не боится прошлого.Он клялся уничтожить дочь врага, но не знал, что мстит женщине, которую всё ещё любит. Когда правда выходит наружу, месть превращается в испытание... для души, сердца и любви.альтернативный Кавказлюбовь через больХЭ

© Colt D., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 5
Глава 1 9
Глава 2 12
Глава 3 15
Глава 4 19
Глава 5 22
Глава 6 25
Глава 7 28
Глава 8 30
Глава 9 35
Глава 10 38
Глава 11 42
Глава 12 44
Глава 13 52
Глава 14 57
Глава 15 60
Глава 16 65
Глава 17 68
Глава 18 71
Глава 19 74
Глава 20 77
Глава 21 80
Глава 22 83
Глава 23 86
Глава 24 89
Глава 25 93
Конец ознакомительного фрагмента. 97

Dark Colt
Бывшие. Кавказский вор

Пролог

Зал утопал в алом свете прожекторов.

Полированная сцена словно дышала под каблуками Кармен, каждый отточенный удар каблука отзывался в теле вибрацией, будто отклик сердца. Фламенко было не просто танцем. Оно было её языком, её исповедью, её болью.

Чёрное платье с алыми волнами подола кружилось, как пламя, которое жгло всё на своём пути. Она танцевала так, будто горела. Каждый взмах руки, каждый поворот головы был вызовом, страстью, криком, обращённым к миру и… к нему.

Она чувствовала его взгляд.

Сквозь яркий свет, сквозь музыку, сквозь сотни людей в зале. Он прожигал её, узнаваемый, тяжёлый, жадный.

Ризван…

Он стоял в полумраке у барной стойки, высокий, уверенный, с тем самым прищуром, от которого у неё кружилась голова.

Она видела, как он смотрел на неё. Не просто смотрел, а впитывал, будто боялся потерять даже тень её образа.

В этот момент она поняла, как безумно он всё ещё любит.

И от этой мысли сердце Кармен сбилось с ритма.

Эти полгода, что они были вместе, превратились в ураган страсти. Он любил страстно и яростно, не сдерживал себя, как зверь, приученный к тишине. Горячая восточная кровь бурлила в нем, не скрывая жажду и желания обладать ею… её тело помнило его руки, его дыхание, каждую ночь, что сжигала их обоих. Всего полгода… а казалось — целая жизнь!

Музыка оборвалась внезапно.

Мгновение тишины, и зал взорвался аплодисментами. Люди вставали, кричали «Браво!», свистели, бросали цветы. Кармен выпрямилась, ловя их восторг и свет. И всё же искала взглядом только его лицо.

Он улыбнулся ей едва заметно, почти неуловимо, по-мужски сдержанно. Но этого хватило. Она видела в его глазах то самое тепло, из-за которого всегда готова была перевернуть мир.

Его губы едва заметно шевельнулись:

*«Mi fuego!»**

Мой огонь!

Как постоянно называл её Ризван. Не Кармен, её сценическим именем, и которым привыкли обращаться все, даже родные и близкие. Не по имени Каролина, а именно – Мой огонь!

И ей это нравилось!

Безумно нравилось! Она просто сгорала под взглядом его чёрных очей и таяла от звучания его бархатного голоса.

В его глазах вспыхнула нежность, обволакивая её теплом на расстоянии. Он чуть кивнул, будто говорил: «Я горжусь тобой, mía fuego».

Сцена тонула в овациях.

Вышел ведущий, молодой испанец в белом костюме, взволнованный, улыбчивый:

— ¡Y esto, damas y caballeros, fue el último número de nuestra incomparable Carmen,directora del grupo Corazón de Andalucía! ¡Un aplauso para ella y para todo su equipo!**

К ней выбежали девушки из труппы, смеясь, сияя, бросая ей цветы.

Цвета, вспышки, смех, всё расплывалось от счастья.

Это был её вечер.

Её триумф!

Но в следующую секунду её радость оборвалась.

Ризван говорил по телефону. Его лицо стало чужим. Холодным.

Он отвернулся, шагнул в сторону. Но она заметила, как он напрягся, как губы сжались в тонкую линию, и по его взгляду она поняла, что что-то случилось.

Что-то непоправимое.

_____

**** В переводе с испанского - мой огонь…***

*****с испанского в переводе — А это, дамы и господа, был заключительный номер нашей несравненной Кармен, руководителя группы «Корасон де Андалусия»***! Аплодисменты ей и всей команде!***

****** «Корасон де Андалусия» — в переводе с исп. «Сердце Андалусии».***

_____

Когда она спустилась со сцены, зал всё ещё гудел аплодисментами, но Кармен уже не слышала. Она шла в гримёрку, и сердце стучало так, будто предчувствовало беду.

В комнате пахло шампанским, потом и духами. Девушки смеялись, вспоминали моменты выступления, кто-то включил запись на телефоне. Кармен улыбалась по инерции. Пока не увидела его в дверях.

Ризван стоял, опираясь на косяк, высокий, с мрачным лицом. В глазах, не гнев даже, а каменная решимость.

— Ты видел, да? — рассмеялась Кармен, бросаясь к нему. — Ты видел, как они... как зал кричал! Это было...

Она хотела обнять его, уткнуться в плечо, но он не двинулся. Стоял, как будто между ними выросла пропасть.

Сердце ухнуло. Медленно отстранившись, подняла на него взор.

— Что случилось? — спросила обескураженно девушка.

Он молчал. Кармен чувствовала, как поднимается в груди паника.

Потом, после долгой паузы, глухо произнёс:

— Я уезжаю.

— Что? Куда? — она засмеялась, не поверив. — Сейчас? Зачем? На долго?

— Навсегда.

Её смех оборвался.

— Что ты сказал?..

Он посмотрел прямо в глаза, и в этом взгляде не было ничего, кроме боли и твёрдости.

— Не спрашивай. И… не ищи меня.

— Риз, — голос дрогнул, — ты не можешь вот так. После всего. После нас…

Кармен запнулась, не было сил продолжать, она лишь вглядывалась в его глаза. Старалась найти хоть толику объяснения происходящему.

— Именно поэтому.

Он шагнул ближе.

На мгновение ей показалось, что он всё же передумает, что прижмёт её к себе, как прежде.

Но нет. Он просто поднял руку и чуть коснулся её щеки.

Его ладонь дрожала.

— Забудь меня, Кармен.

— Нет, — затрясла она головой, — Не могу.

Он закрыл глаза.

Ризван стоял так близко. Но ничего лишнего. Ни взгляда, ни движения. Твердый, как камень, в своем решении. Молчал и смотрел ей в глаза. И от этой тишины было больнее, чем от крика.

— Скажи хоть что-нибудь, — голос дрогнул, но она не пыталась скрыть слёзы. — Почему, Риз?.. Что я сделала?

Он медленно отвёл взгляд и вновь посмотрел. Чёрные глаза, холодные, как мокрый камень в горах. Ни следа прежнего тепла, ни тени того человека, что шептал ей ласковые испанские слова под утро.

— Мы закончили, — сказал он ровно. — Так будет правильно.

Кармен будто не поняла.

— Правильно? Для кого? Для тебя? — Она шагнула ближе. — Или для той стены, что ты строишь вокруг себя?

Он вновь замолчал.

И молчание было ответом.

Она сорвалась:

— Ты даже не попытаешься объяснить? Мы были вместе полгода, Риз! Полгода! Ты клялся, что не отпустишь!

— Ошибался, — сказал он тихо. — Мы оба.

Она ударила ладонью по его груди, не сильно, просто чтобы почувствовать, что он живой.

— Лжец! — голос сорвался. — Ты же любил меня!

Он поймал её руку. Пальцы холодные, как сталь.

— Перестань.

— Тогда скажи, что не любил. — Она смотрела прямо в глаза, как в бездну. — Скажи, и я уйду.

Он долго молчал. На миг его лицо дрогнуло, едва заметно. Но потом черты снова застыли.

— Я не любил тебя, — произнёс он медленно.

Каждое слово, как удар ножа.

Кармен отпрянула, будто физически. Губы дрогнули.

— Нет… ты лжёшь. — она замотала головой в отрицании и не желании верить.

— Пусть будет так, — спокойно ответил он. — Возвращайся домой. Это всё, что тебе нужно знать.

Он повернулся, пошёл к выходу.

Его шаги тонули в шуме закулисья. Она бросилась за ним, босиком, не чувствуя холода, не веря, что это конец.

— Ризван! — крик сорвался, но он даже не обернулся.

Только, когда двери за ним закрылись, она поняла, что теперь тишина будет звучать громче всего.

Кармен прислонилась к стене, чтобы не рухнуть от бессилия. Мир сжался до одной мысли, что он ушел.

Без объяснений. Просто быстро зашагал прочь, словно обожженный огнём убегал в никуда.

Только запах его парфюма остался в воздухе.

И холод. Такой, что пробирал до костей.

Она стояла, пока шум за дверью не стих. Плечи дрожали. Она прижала руки к груди, словно могла удержать сердце, которое вдруг стало тяжёлым, каменным.

Слёзы не шли. Только гул в ушах.

Смех за стеной звучал, как издевка.

Когда она наконец опустилась на стул, зеркало напротив показало чужое лицо, усталое, белое, с безжизненными глазами.

Она едва узнала себя.

Где-то в глубине, неосознанно, но ясно и чётко, она почувствовала, что в эту ночь он не просто ушёл.

Он что-то забрал с собой.

Её сердце.

Ведь он украл её сердце, и сейчас разбил его в дребезги!

И теперь… её огонь, которым она когда-то жила, погас.

Наверное, навсегда…

Глава 1

Два года спустя

Ночь была плотной и медлительной, как заколоченное повидло. В кабинете, высоко над городом, лампа бросала над столом узкое кольцо света: папки, конверты, стакан с коньяком и тонкие кольца дыма над креслом. За стеклом окна снег падал тихо и ровно, словно время решило идти своим темпом, не торопя никого и ничего.

Ризван сидел, сложив кисти рук на столе, и смотрел в темноту. Два года жили в нём, как незаживающая рана. Он чётко помнил ту ночь. Тот звонок, когда ему пришлось сорваться и срочно возвращаться на родину. Сестра погибла нелепо, говорили, несчастный случай. Только он один знал, это не случайность.

В ту ночь на обочине мелькнуло то, что нельзя было спутать ни с чем. Чёрный Майбах с тёмными стёклами, тот самый, что обычно стоял у особняка Мехмедова на подъезде. В его памяти словно оживали образы наяву, так, будто он присутствовал в момент трагедии, медленно катящаяся машина, эмблема, холодный блеск фар. Через пару дней по сводкам прошла версия несчастного случая, камеры «случайно» не сохранили записи, свидетели замолчали. Всё было зачищено, словно кто-то протёр следы влажной тряпкой. Слишком могущественной рукой, чтобы к нему прикоснуться.

И с той ночи жизнь Ризвана превратилась в расчёт. Кто-то должен был ответить.

Он научился ждать.

Научился собирать крупицы, жесты, имена, разговоры, и складывать их в узор правды. Он стал тенью среди людей, которые считали его своим.

Когда он вернулся на Кавказ, это не было бегством. Это было посвящением, тихой клятвой, от которой не было возврата. Он вошёл в круг Рашида Мехмедова незаметно. Сначала как сторонний советник по сделкам, затем, как нужный человек, выполняющий грязную работу, которую никто другой не хотел брать на себя. Его ровный голос и деловая хватка сглаживали сомнения, а терпение и холодный рассудок делали его желанным партнёром. Люди привыкали к нему, доверяли ему, и это доверие было его ключом.

Он приходил к Рашиду не один раз, по делам, по нужде, по просьбам доверенных лиц семьи. И вдруг, однажды, разговор с Мехмедовым был другим. Не стандартным, не официальным. Старик вызвал его в кабинет без свидетелей и, когда дверь закрылась, сказал так, будто снимал с себя тяжёлое бремя.

— Слушай меня внимательно, Ризван, — произнёс Рашид тихо, — Ты у меня человек, не то, что остальные. Я могу тебе доверить это. Тайна, которую храню всю свою жизнь. Но, видимо, пришло время собирать камни.

Внезапный кашель одолел его и чуть отдышавшись, тот устало продолжил:

— У меня есть дочь. Я не видел её много лет. Мать взяла ребёнка и уехала в Испанию. Теперь… моё здоровье подводит. Я хочу увидеть её, пока могу. Мне нужен союзник, чтобы сблизиться с ней. Тот, кто станет проводником для неё в наш мир, в наши обычаи. И главное, откроет ей двери в семью. Поможешь мне? Только ты. Верю, что могу тебе доверять. Никому не говори, пока. А сыновьям, я сам скажу, как придёт время.

Ризван обомлел от услышанного. Но виду не выказывал.

В комнате воцарилась короткая тишина. А в его ушах звенел не зов о помощи. Звенел ключ. Это была возможность. Внезапная. Неожиданная. Тихая, как шепот, и опасная.

Ризван моментально, увидел в этом шанс. Для себя. Для своей мести. Шанс поквитаться с тем, кто лишил жизни его любимой младшей сестры.

Если ввести себя в её жизнь как человек отца, если заслужить доверие, можно было бы нанести удар там, где он причинит наибольшую боль.

Он не стал показывать, что услышанное стало для него подарком судьбы. В лице Ризвана не дрогнул ни один мускул. Он умел держать эмоции при себе.

— Я помогу, — сказал он ровно. — Скажи, что знаешь. Я разберусь.

Рашид передал ему старую фотографию, снимок Софьи, своей давно ушедшей возлюбленной с маленькой девочкой на руках, сделанный, казалось, ещё при другом мире. Он рассказал кратко, без подробностей: контракты в Барселоне, год отъезда, слухи о новой жизни. Слёзы и боль старика были без прикрас.

Когда дверь закрылась и он остался один с конвертом в руках, мысль в его голове выстроилась в чёткую линию: найти её не просто по просьбе старика… найти её для себя. Сделать её средством мести, если понадобится. Пусть это будет тонкая игра: доверие, близость, брак, и в нужный момент удар. Мысль была жестока, но расчёт был логичен.

Он убрал фотографию в карман и вышел в коридор, где встретил его Булат. Его верный друг и соратник. Ризван дал распоряжения, и работа закипела. План его мести разрабатывался молниеносно, как и корректировались направления. Но Булат возвращался всегда с победой. Докладывал спокойно, по пунктам: факты, подтверждения, зацепки. Связи у него были крепкие, в нужных архивах и на нужных адресах. И это давало результат.

— Софья Кузнецова, — сказал он, — была балериной Большого театра. В середине девяностых приняла приглашение преподавать в Испании, уехала с дочерью в Барселону. Это подтверждено, тут контракты, адрес, свидетельства. По сведениям наших, она умерла несколько лет назад.

В груди Ризвана, внезапно дёрнулась струна, как будто кто то неожиданно оголил нитку старой памяти.

Испания…

Жаркие ночи…

Страстные танцы…

Только отогнав навязчивые мысли, Ризван спросил, стараясь держать голос спокойным.

— А дочь… кто она и что с ней?

— В России, Карина Мехмедова. В Испании — Каролина. Возможно из за транслитерации. Путаницы в документах и смены прописки осложняют поиск, но нити есть. Фото пришлём, как только сверим данные.

Слова повисли в воздухе, будто кто-то резко вытянул тишину в тонкую струну. Ризван смотрел в одну точку, не сразу осознавая, что пальцы вцепились в край стола. В висках стучало.

Когда Булат проговорил «Карина — Каролина», эти слова зазвучали в голове Ризвана так, будто били в пустоту, где уже сидела память о Малаге.

Танцующий огонь на сцене…

Её глаза…

Что то внутри него отозвалось звенящим эхом.

Карина Мехмедова.

Каролина?..

Что это? Совпадение? Однофамильцы?

Мать твою! Что за бред?!

Он заставил себя моргнуть и вернуться.

— Отправляй всё мне, — сказал он сухо. — Тщательно проверяй всю информацию.

Булат кивнул и вышел. В кабинете снова воцарилась тишина, и Ризван взял в руки старую фотографию. Ту, что прятал в боковом отсеке своего портмоне. Ту, где они вместе стояли на набережной в Малаге. Пальцы гладили контур её лица, и на секунду мир стал зыбким.

Грудь сжимали железные тиски предчувствия чего-то несуразного.

Каролина Мехмед.

Имя кольнуло память, будто искра. Как-то он уже слышал его, мельком, на бегу, без значения. Но вместе с ним вспыхнуло другое… звонкое, горячее, словно пламя на ветру:

«Mi fuego!»

Твою мать!!!

Чепуха!

Полный бред!

Пытался вразумить себя Ризван. Сжал кулаки.

Мехмед и Мехмедова — не одно и то же!

Совпадение!

Просто совпадение.

Иначе быть не может.

Глава 2

Ночь.

Он не спал. Не мог.

Часы перевалили за три, стрелки двигались вязко, как будто сам воздух давил на плечи. Ризван сидел в кресле у окна, с бокалом коньяка и тлеющей сигаретой. За окном всё также шёл снег, тот самый, что делает ночь тягучей и бесконечной.

Тишина давила.

Он смотрел на городские огни, будто ища в них ответы. Но в голове, лишь обрывки. Какие-то слова, смех, вспышка прожектора, огонь.

Испанская сцена, жара, толпа…

Женский голос… певучий, тёплый, как мед, и в то же время с хрипотцой, от которой мурашки шли по спине.

Он выдохнул дым и мотнул головой.

Чепуха.

Глупость.

Эти флэшбеки лезли без спроса, будто что-то выталкивало их из глубины сознания.

Он знал, ощущал подкоркой, что это не просто так. Но не хотел признавать. Он отмахивался, как от назойливой мухи. Не время. Не сейчас.

Сигарета догорела, коньяк закончился.

Ризван поднялся, тяжело потянулся, прошёлся по комнате.

Холодная плитка пола отрезвила, но не помогла.

В груди жгло. Не тревога, а предчувствие. Чего-то, что вот-вот сорвётся с места и покатится лавиной.

Он лёг только под утро, и то не уснул.

Тело отключилось, а разум, нет!

А утром он пришёл в спортзал рано, когда солнце только пробивалось сквозь утреннюю дымку.

Металл гремел в тишине, гантели били в ладони болью, и с каждым повтором он будто выбивал из себя слабость.

Пот стекал по спине, дыхание сбивалось, мышцы горели. Он бил грушу до одури, вкладывая злость в каждый удар.

За сомнение.

За слабость.

За то, что не может забыть.

«Хватит, Ризван. Соберись. Всё под контролем!»

Мысленно твердил себе сам, только не верил.

Он снял перчатки, провёл рукой по лицу, когда телефон завибрировал на скамье.

Сообщение от Булата:

«Отправил. Проверь почту».

Время замедлилось.

Сел на край лавки, разблокировал экран. Открыл почту.

Загрузка файла была долгая, как пытка.

Круг на экране медленно полз вперёд.

Ризван нахмурился, машинально потянулся за полотенцем.

«Ерунда. Обычное фото. Работа. Рутинно».

Сто процентная загрузка.

Наконец файл открылся.

И в одно мгновение всё вокруг потеряло звук.

Свет, дыхание, гул крови, всё исчезло.

Сначала взгляд уловил красный цвет. Яркий, живой, как вспышка в темноте. Он ударил в глаза, будто пламя, прорезавшее экран. Алое платье в движении, летящий подол, гибкое тело в танце. Мгновение, и сердце пропустило удар.

Он застыл. Пальцы сжались.

Девушка на фото словно жила в кадре. Плечо повернуто, взгляд устремлён прямо в объектив, глаза сияют вызовом, знакомым до боли. Вокруг сцена, огни, но весь свет теперь был о ней.

Прочитал подпись: «Каролина Мехмед», — и перечитал снова, словно буквы могли обмануть.

Воздух вышибло из груди.

На экране было лицо.

Светлое, живое, с искоркой в глазах, от которой внутри всё перевернулось.

Кармен…

Дыхание перехватило. Мир просто замер в этот миг.

Он знал это лицо.

Мгновенно, перед глазами промелькнул образ. Тот вечер.

Вспомнил сцену, жар, музыку, аплодисменты. Как она выходила под именем Кармен, и весь зал замирал, не в силах оторвать взгляд. Также, как и он сам, не мог.

Mi fuego.

Грудь сжали железные тиски.

Он не сразу понял, почему не может вдохнуть.

Имя бросалось в глаза, как выстрел.

Он видел его под фото и не верил глазам.

Имя знакомое… до боли.

Знакомое так, будто впаяно в память.

Каролина Мехмед. Никто не обращался к ней этим именем. Она была известна всем, не только на публике, но и в кругу родных и близких, как – Кармен.

Слова проступили в сознании, как ожог. Сердце сорвалось с места, будто кто-то сжал его ледяной рукой.

Телефон выскользнул из пальцев и глухо ударился о кафель.

Нет!!!

Твою ж мать! Не может быть!

Это… какая-то… злая шутка!

— Мехмед… Мехмедова… как такое возможно? — глухо прошептал он, будто пытаясь убедить сам себя, — Разные… разные фамилии. Разные жизни.

Но разум твердил одно, тело другое.

Каждая клетка, каждая жила в нём знала правду.

Он сидел на полу, спиной к стене, чувствуя, как леденеют пальцы.

В висках стучало. Воздух будто вытянуло из комнаты.

Перед глазами обрывки.

Пляж. Шум моря.

Смех.

Запах жасмина и соли. И тот самый взгляд… живой, чуть дерзкий, с вызовом, от которого когда-то у него пересохло во рту.

Он резко поднялся, подошёл к окну.

Мир за стеклом плыл, искажённый.
Ладони упёрлись в подоконник, плечи дрожали.
— Нет-нет-нет... — выдохнул он хрипло, едва слышно. — Только не она!
Всё, во что он верил, рухнуло.
Месть, чёткий план, холодный расчёт, в одно мгновение превратились в пепел.
Потому что там, за границей случайности, стояла она.
Та, кто должна стать орудием его мести.
Мишенью для расплаты!
Его Кармен…

Глава 3

Самолёт вошёл в посадочную глиссаду, и горы поднялись к иллюминатору так близко, будто ктото подталкивал их снизу ладонью. Снежные шапки, серые ребра скал, узкие тёмные ленты дорог, всё это казалось чужим, как чужая память. Кармен прижала пальцы к стеклу и зажмурилась. Ладони были холодными, но кожа горела.

Она летела туда, где начиналась её кровь. И туда, где она никогда не жила.

В наушниках стих испанский гитарный перебор. Стюардесса чтото сказала на двух языках, слов было не слышно, но смысл понятен: пристегнуть ремни, выпрямить спинки. Кармен села ровнее, вдохнула глубже. Воздух пах пластиком, чаем и тревогой.

— Señora, está bien (Мэм, вы в порядке?)? — спросила пожилая женщина через проход.

— Sí, gracias (Да, спасибо), — улыбнулась Кармен. Голос получился ровным. Не так, как внутри.

Она достала из сумки конверт. Толстая бумага, печать, аккуратный разворот с короткими фразами.

Уважаемая Каролина… состояние вашего отца… просит возможности… при вашей воле… покаяние… время ограничено.

Подписал не он, а юрист, доверенное лицо. Две недели назад.

До этого юрист приезжал лично, чтобы выразить сожаление. Слова отца. Кармен тогда слушать не стала.

Зачем? Что может сказать человек, который бросил их ради «чести и долга»?

Долг и честь превыше всего.

Долг перед семьёй.

А кем были они для него???...

Она родилась в Москве. Её мать, Софья Кузнецова, была балериной Большого театра. В первой половине девяностых Софья приняла приглашение преподавать в Испании и уехала, забрав с собой пятилетнюю дочь.

Отец, Рашид Мехмедов, влиятельный мужчина с Кавказа, скрывал их связь. Он уже был женат, имел двух сыновей, и общественное положение не позволило признать дочь. Никто в его краях не знал об их существовании. Это была тайна, спрятанная за стенами его дома и совести.

Только теперь, перед лицом болезни, он, видимо, решился сломать молчание.

Она помнила тот день, когда он ушёл.

Сказал: «Я вернусь».

Но не вернулся… ни завтра, ни через неделю, ни через год.

Никогда!

Ей было всего пять, но память хранила всё. Как мама стояла у окна, как пахла ванилью и слезами, как шептала его имя, будто молитву.

Потом был отъезд. Испания. Школа танцев. Работа. Надежда. Выживание.

Но любовь Софьи Кузнецовой не пересекла океан, она осталась там, где когда-то её предали.

С каждым годом мать угасала, будто ждала, что однажды в дверь постучат.

Так и умерла, с этой надеждой.

Кармен научилась жить без отца.

Без его заботы, без имени.

И его внезапное возвращение теперь, как удар молнии.

Могла ли она простить?

Она не знала.

Только две недели назад, когда получила письмо, что отец при смерти… не смогла отказать.

Не из жалости, из необходимости поставить точку.

«Ты не обязана, — сказала бы мама. — Ты никому ничего не должна. Кроме себя».

Но мамы больше нет.

Её голос остался в письмах на дне шкатулки.

В последнем, короткая, страшная правда:

«Он жив. И хочет тебя видеть…»

Кармен ненавидела это слово «хочет».

В нём звучал приказ. От человека, который молчал всю жизнь.

И всё же, она переступила через свою обиду.

Самолёт коснулся земли. Воздух наполнился запахом горячей резины. Люди зашевелились, ремни зазвенели.

Кармен закрыла глаза и представила море, синее, испанское, живое.

Вдох.

Выдох.

Ещё один.

— Добро пожаловать, — сказала стюардесса на русском.

Кармен вздрогнула, медленно отпуская воспоминания.

Добро пожаловать куда?

В прошлое?

В чужую родню?

В дом, где на старых газетных снимках этот мужчина улыбался рядом с сыновьями, ни разу не взглянув в объектив так, как когда-то смотрел на неё, крошку в вязаной шапке, пахнущей мятой и зимой.

Может, это даже не её воспоминание.

А просто желание, чтобы хоть что-то связывало её с отцом, кроме тишины.

Еще раз тяжело вздохнув, Кармен направилась к выходу.

Металл стих. Воздух стал плотнее, чем время. Когда она ступила в переход к терминалу, мир звучал тише, чем шаги.

Зал прилёта пах пылью, кофе и дорогой кожей. Людей было много, но внутри словно пустыня. Кармен шла, как по коридору, и всё вокруг звучало глухо.

Впереди, среди встречающих, она заметила мужчину с табличкой. На белом картоне было выведено её имя: Каролина Мехмед.

Табличку держал высокий мужчина в строгом пальто. У него были ровные плечи и взгляд человека, который умеет стоять, когда другим невыносимо.

— Госпожа Мехмедова? — безупречный русский, без попытки улыбки.

— Да, — ответила Кармен также, чисто на русском, но с лёгким мягким акцентом.

Она прожила почти всю жизнь в Испании, но мать всегда говорила: «Не забывай язык, это твой дом, даже если его нет рядом».

— Я Тимур, ваш водитель. Меня прислали за вами. От вашего отца. — Лёгкий поклон головой. — Позвольте ваш багаж.

«От вашего отца».

Слова больно скользнули по сердцу. Она кивнула. Чёрный чемодан казался слишком лёгким для того, что она везла. Документы. Несколько платьев. Несколько пар обуви. И маленькая шкатулка с письмами мамы. Всё её прошлое помещалось в четыре слоя пробкового дерева.

У стеклянных дверей её ждала машина, чёрный седан с глухо мерцающими фарами. Воздух снаружи был холоден и пах горами, бензином и дорогой кожей.

Когда Кармен вышла, к ней сразу подошёл высокий мужчина в длинном пальто с перчатками без изъяна, как будто только что вышел из кадра старого фильма. Его движения были точными, спокойными.

— Мадемуазель, — произнёс он с лёгким французским акцентом, чуть склонив голову. — Я Керим, буду сопровождать вас. Отец просил вас не волноваться. Всё будет в порядке. Мы доставим вас, как и куда скажете.

Его голос звучал мягко, и Кармен впервые за день почувствовала, как напряжение в плечах чуть ослабевает.

— Я не волнуюсь, — ответила она. Слишком быстро. Убеждая скорее себя в этом, чем окружающих.

Он галантно распахнул перед ней дверцу автомобиля. Кармен поблагодарила лёгким кивком.

Пока Керим помогал ей сесть, Тимур без лишних слов взял багаж и аккуратно поместил чемоданы в багажник. Затем занял место за рулём.

Керим закрыл дверцу и сел рядом с ней, чуть повернувшись:

— Дорога займёт около часа. Если захотите остановиться, просто скажите.

Кармен молча кивнула, глядя в боковое окно. В отражении мелькали горы, огни аэропорта и её собственные глаза, чуть растерянные, как у человека, который не знает, куда возвращается.

Они поехали. Город был низким и широким, как ладонь. Дороги прямыми на равнинах и бешено изломанными у подножья гор. Солнце стояло низко. Зима здесь была другой, пахла железом, сырым камнем и дровами.

— Это недолго, — сказал Тимур с переднего сиденья. — Дом вашего отца в ущелье. Там красиво. Тихо.

«Дом моего отца». Кармен смотрела в окно и ловила свои отражения в затемнённом стекле. Всё здесь казалось ей чуждым. Девушка, которая знала, как держать спину, как пройти на сцену, как улыбнуться прессе, как танцевать так, чтобы люди плакали. Сейчас не знала, как войти в дом мужчины, который отказался от неё ради закона, которого она не принимала.

— Он действительно болен? — спросила она наконец.

— Да. — Тимур не повернулся. — Ему трудно. Но он хочет видеть вас. Очень.

«Очень». Снова это слово. Как будто интенсивность могла компенсировать пустоту лет.

— А его семья? — голос прозвучал чуть тише, скрывая окрас дрожи.

— Знает немного. — Керим перехватил взгляд Кармен в зеркале. — Но это дело главы дома. Он велел пригласить. Его слово – закон. Остальное он будет говорить сам.

Она кивнула. Пальцы нашли браслет на запястье. Кожаный, с серебряной подвеской, которую ей подарила мама на шестнадцатилетие. «На удачу». Кармен никогда не верила в талисманы, но сегодня держалась за эту крошечную вещицу, как ребёнок за краешек одеяла.

Дорога сузилась. Камни стали ближе. Снег лежал на уступах неровно, серыми языками. Машина взяла вираж, другой, третий. Кармен закрыла глаза. Ей казалось, что горы дышат. Словно у каждой скалы есть сердце, которое медленно и терпеливо считает шаги тех, кто проходит мимо.

— Вы ведь впервые у нас? — осторожно спросил Керим, обернувшись к ней. Голос был мягкий, доброжелательный, скорее попытка разрядить тишину, чем праздное любопытство.

— Впервые, — коротко ответила Кармен, не отрывая взгляда от окна.

— Вам понравится, — улыбнулся он, будто знал это наверняка. — Даже тем, кто уезжает навсегда, потом снится этот ветер.

Он сказал это просто, без пафоса, как человек, который любит свою землю и знает, что она умеет касаться души.

Кармен улыбнулась краешком губ:

— А мне давно ничего не снится.

Воздух в машине снова стал тихим, и только шум дороги звучал, как дыхание прошлого.

Она отвернулась, чтобы не выдать эмоций.

Дорога тянулась длинной петлёй. Солнце пробивалось сквозь облака, оставляя на горах блики, похожие на золото.

Кармен вспомнила, как мать когда-то показывала ей старую вырезку из газеты с фотографией отца.

Тот же свет, тот же гордый профиль.

«Он с этих мест, милая. Горцы не плачут, у них внутри горит огонь, который не видно», — говорила тогда мама.

Но сейчас этот огонь она чувствовала в себе и он обжигал.

Стараясь перевести дыхание, Кармен прикрыла веки и мысленно вернулась домой. В момент, когда мама была еще рядом.

Малага. Ночной зал. Запах апельсинов и вина. Мамин смех, глухой, тёплый, когда она впервые увидела фламенко. «Это не танец, милая. Это исповедь. Если начнёшь, уже не остановишься».

Кармен тогда не поверила, а потом поняла. У каждого шага, своя боль. У каждого удара каблука, своё «почему». Она выучила движения раньше, чем слова для того, чтобы описать, что у неё внутри. И когда мужчины спрашивали, кто она — испанка, русская, кто ещё, — она отвечала: «Я — танец». Это была единственная правда, в которой не было отца.

…Потом мама заболела. Сначала это был усталый кашель, потом, белая бумага с тёмными точками, короткая фраза врача: «Нужно быть сильной. Время против нас».

Время против всех, подумала тогда Кармен. Особенно против тех, кто слишком долго молчал.

Но она не знала, что уже в ту минуту, когда машина поднялась выше над ущельем, время перестало быть против, оно просто начало считать их секунды.

Глава 4

Солнце медленно клонилось к закату. Трасса тянулась между горами, петляла всё уже, пока зимний свет не стал тусклым и густым, как старое вино. Внизу под обрывами сверкали куски реки, похожие на холодное зеркало. Кармен смотрела на них через стекло машины и думала, что эта дорога будто тянет её не вперёд, а назад, туда, где всё началось и где всё было сломано задолго до её рождения.

Где-то далеко, в другом конце ущелья, в доме, окружённом садами и каменными стенами, уже знали, что она прилетела.

Дом готовили к приезду. Убирали старые портреты, зажигали камины, накрывали столы, хотя сам хозяин едва ел последние недели.

Рашид Мехмедов не отходил от окна.

Два дня он жил в ожидании. С того момента, как позвонил юрист и сказал сухим голосом:

— Она согласилась. Прилетает в субботу.

Он тогда не сразу понял смысл слов. Казалось, время остановилось, а воздух стал тяжелее. Потом опустился в кресло и только прошептал:

— Аллах… значит, не всё потеряно.

Но путь к этой минуте был долгим.

Он много лет не мог решиться, но однажды переборол страх вины. Поднял трубку, вызвал Ризвана. Тот пришёл, как всегда, без суеты, сдержанный, чёрная рубашка, спокойный взгляд.

Лишь ему он мог доверить свою тайну.

Лишь ему Рашид доверял безоговорочно.

Ризван слушал молча. Он не перебивал, не задавал лишних вопросов, только изредка кивал. В его глазах мелькнула тень, не жалости, а чего-то иного, глубже. И тот взялся за дело. На следующий день он уже копался в старых записях. Контракты, миграционные списки, архивы театров. Сначала обычная техническая сводка. Имена, адреса, даты, всё сходилось в одну точку. Каролина Мехмед, 27 лет, преподаватель танцев в Малаге, дочь Софьи Кузнецовой.

А потом, фото.

Ризван не сказал Рашиду ничего лишнего. Лишь передал нужные документы, подтвердил адрес и сообщил, что связь с женщиной установлена.

С того дня сон ушёл от него окончательно.

Рашид, получив данные, вызвал юриста, старого, надёжного человека, служившего семье десятилетиями.

— Передай ей письмо, — сказал он. — Без лишних слов.

Тот поехал.

Вернулся через три дня.

— Отказалась.

— Сказала что-нибудь?

— Только одно, что слишком поздно.

Рашид тогда долго молчал. Потом поднялся, налил себе воды, отпил глоток и тихо сказал:

— Мы все опаздываем, сын мой. Все.

Но уже через неделю юрист принёс другую весть, что его очередное письмо дошло. И она всё-таки согласилась.

Согласилась не ради него, а ради точки. Ради того, чтобы закончить историю, начатую им. И этого было достаточно.

Теперь, стоя у окна, он чувствовал, как приближается не просто встреча, а его искупление перед дочерью.

Перед смертью человек вспоминает не дела, а лица. И Рашид знал, именно это лицо будет последним, что он захочет увидеть.

***

В комнате было полумрачно.

Лампа горела мягким светом, в углу тикали старые часы.

На столе лежало то самое фото, Софья с маленькой девочкой на руках, снятые в московском дворе, где снег ещё был чистым. Он коснулся снимка пальцем, как будто боялся стереть остатки прошлого.

Дверь скрипнула.

Вошёл Ризван.

Он стоял в полутьме, высокий, собранный, будто всегда был частью этого дома.

— Есть новости? — спросил он.

— Прилетела, — коротко ответил Рашид.

Пауза повисла между ними, как дыхание перед бурей.

— Спасибо, что помог, — тихо добавил старик. — Без тебя я бы не решился.

— Не благодарите, — ровно сказал Ризван. — Иногда прошлое всё равно находит нас. Даже если мы не ищем.

Рашид кивнул, устало опустился в кресло.

Он понимал, что этот человек перед ним, не просто советник, не просто партнёр. В Ризване было что-то, что притягивало и тревожило одновременно. Сила и пустота. Может быть, поэтому он выбрал именно его. Интуитивно, как доверяют только тем, кто пережил собственную боль.

Снаружи стемнело.

Вечер ложился на дом мягким бархатом, и в окнах отражался огонь камина.

Рашид молчал долго, потом выдохнул:

— Хочу, чтобы ты был рядом. Когда она войдёт. Не для дел. Просто… будь.

— Как пожелаете, — кивнул Ризван.

И вдруг Рашид заговорил, будто клапан сорвало.

— Знаешь, — хрипло выдохнул он, — я всё просчитывал, всё держал под контролем. Деньги, связи, враги, партнёры… Только не жизнь.

Он усмехнулся коротко, безрадостно, и допил остаток.

Ризван молчал.

Каждое слово старшего звучало, как признание на исповеди.

— Когда-то я думал, — продолжил Рашид, — что защищаю их, отдалившись. Что, если не буду рядом, им будет проще.

Он медленно провёл ладонью по лицу, будто стирал не морщины, а память.

— Глупости. Тогда мне казалось, что мужчина должен выбирать между долгом и любовью. Я выбрал первое. Долг, дом, семья. А потом просто не осталось, куда возвращаться.

Он на миг замолчал, глядя куда-то в бок, будто за той стеной мог увидеть прошлое.

— Она тогда была совсем крохой, — прошептал он. — Такая упрямая, как мать. И когда уходил, я сказал… что вернусь. А потом не вернулся. Сколько лет прошло, а я всё помню, как она стояла у ворот, в красном пальтишке и молчала. Не заплакала. Даже не спросила «почему». Только смотрела. Эти глаза теперь снятся мне каждую ночь.

Рашид сжал бокал, и стекло чуть не треснуло.

— Я устал быть виноватым, Ризван. Устал просыпаться с этим грузом. Я не знаю, как она меня встретит. Но если захочет плюнуть в лицо… я заслужил! Если уйдёт снова… я не удержу. Но хоть на миг… пусть узнает, что я жив, что не забыл. Всегда помнил о них… Я отдам ей всё. Всё, что нажил, что смог, что потерял. Пусть возьмёт этот мир, он давно не мой.

Он резко выдохнул и отвернулся.

На миг показалось, будто воздух в комнате сгустился.

Ризван стоял молча и просто слушал.

Ни одно слово не шевелилось в горле. Потому что каждое признание старшего отражалось эхом в нём самом, как чужая, но знакомая боль.

«Ты не знаешь, кого ждёшь, старик, — мелькнула мысль, — Ты хочешь прощения, а я возмездия. И всё это замкнулось на ней…»

— Она приедет, — тихо сказал он, когда тишина стала невыносимой, — Дайте ей просто время.

— Думаешь, простит?

Ризван посмотрел прямо в глаза.

— Я думаю… — он сжал кулаки, чтобы не дрогнуть голосом, — что иногда не мы выбираем, кого прощать. Это выбирает сердце.

Рашид кивнул. В этот миг выглядел постаревшим лет на десять.

Он поставил бокал, подошёл к окну и долго смотрел в темноту, что поглотила весь горизонт.

— Я только хочу увидеть её улыбку, — прошептал он, — Хоть раз. И тогда… всё остальное, уже неважно.

Ризван отвёл взгляд. Потому что знал, что также не достоин её улыбки...

Когда он вышел из кабинета, по коридору прошёл лёгкий холодок.

Ризван остановился, глядя на картины на стенах, семейные портреты, жёны, сыновья.

Ни одной женщины с глазами, похожими на её.

Кармен…

Он прошептал это имя беззвучно.

Ему казалось, оно звенит под потолком, как тетива, натянутая между небом и землёй.

Он знал, впереди ночь. И утро.

Но, перед этим, момент, когда она войдёт в этот дом, и всё, что он строил два года, рухнет.

Внизу, во дворе, слуги развешивали фонари.

Ворота приоткрыли, готовясь к приезду. В доме шептали, что господин ждёт важную гостью, но никто не знал, кого именно.

Только Ризван и сам хозяин.

Слуги суетились, а в воздухе витал запах свечей, яблок и железа.

Всё готово.

Дом, где тени длиннее слов, ждал.

Ждал женщину, что несла с собой прошлое, и мужчину, что собирался впервые за много лет произнести слово, которое не мог сказать никому:

Прости…

Глава 5

Колонна из двух машин въехала под каменную арку. Ветер стих, звук мотора стал густым и коротким. Дом оказался не дворцом, как в журналах, а крепостью, широкие стены, узкие окна, большие двери. Внутри горел жёлтый свет.

Кармен вышла из машины и замерла, убирая платок с лица. Холод с гор обдавал щеки, он был такой же резкий, как и тот мир, в который она шла. Под ногами хрустел снег, шаги её отдавались в широком дворе, где в фонарях мерцали крохотные искры, будто кто-то рассыпал звезды по черному бархату ночи.

Она шла медленно, как привыкла, в ритме танца, где каждое движение имеет цену. Внутри неё звучала музыка, память тела. Удары каблуков, треск кастаньет, вздох аккордеона.

Тот ритм, что когда-то рождал жизнь.

Тот, под который теперь билось сердце.

И только мелодия, живущая в глубине памяти, гитара, скрипка, дыхание «Azul» Джесси Кука, помогала ей идти вперёд.

Не сбежать. Не сорваться назад.

На крыльце стояли двое. Один из них, старик в тёмной папахе, и мужчина лет сорока пяти, в тёмном пальто, с лицом, на котором каждая черта была словно начертана ножом.

— Это Самир, — шепнул Керим, — Старший сын.

Холод ударил в лицо. Воздух пах дымом и хвоей. Кармен ступила на камень, чувствуя, как пятки отзываются на твёрдость земли. Самир шагнул навстречу, остановился на расстоянии вытянутой руки.

— Добро пожаловать, — сказал он сухо. — Карина.

— Каролина, — поправила она вежливо.

— Здесь, ты — Карина, — он произнёс это без угрозы, как правило, — Отец ждёт.

Она кивнула. Старик в папахе глянул теплее, чем старший брат.

Внутри дома было тепло. Каменные стены держали жар и тайны. На стенах висели ковры, старые фотографии, оружие. Пахло специями, деревом и ладаном.

— Сюда, — тихо сказала женщина в платке, Хадижат, домоправительница, — Сначала чай.

Чай был густым и сладким, как поздний сон. Она едва пригубила, язык был сух, как песок. Хадижат подала лепёшки, сыр, мёд. Кармен попробовала из вежливости. И вдруг, будто удар током, вкус был родным. Домашним. На секунду ей захотелось плакать.

— Вы очень на неё похожи, — сказала женщина тихо, вдруг наклоняясь ближе.

— На кого? — Кармен подняла глаза.

— На вашу мать. Я видела её… раньше.

Эта простая фраза стала, как укол. В горле стало тесно. Кармен отвернулась к окну. Горы стояли близко, как свидетели.

— Я готова, — сказала она, — Могу ли теперь повидать отца?

Хадижат провела её до лестницы.

Там вновь стоял Самир, молчаливый, сдержанный. Он жестом указал наверх.

Она поднялась по ступеням, держа голову прямо. Но внутри дёрнулась струна, ей было страшно. Не страх перед рукопожатием с чужим человеком, а страх перед тем, что в её сердце откроются старые раны. Она помнила глаза матери, тот бессильный вопрос в них: «почему он ушёл?» Она помнила свою маленькую руку, сжимающую пальцы матери, и тот звук, как дверь закрылась, как дом остался пуст.

Коридор был длинным, свет мягким, лестница старой, но крепкой. Самир подошёл к двери, где на полированной деревянной панели лежала тень от резной лампы. Постучал дважды и не вошёл. Подождал секунду, две, три, после чего открыл и отступил, давая ей дорогу.

Когда дверь его кабинета приоткрылась, мир словно ушёл в паузу. На пороге стоял Рашид. Не изваяние, а человек, с морщинами, выжженный долгими годами. Он выглядел старше, чем её воспоминания могли представить. Его лицо побледнело от волнения, но в глазах горел странный, тёплый огонёк.

В груди больно защемило. Гулко застучало сердце от волнения.

Она знала его только по вырезкам и по снам.

И вот видела впервые спустя столько лет.

Он подошел не сразу, сначала сделал шаг, затем ещё один, будто боясь приблизиться. Руки дрожали, ноги казались ватными, и всё же он нашёл в себе силы и вышел навстречу.

— Кариночка… доченька… — его голос хрипел от волнения, но и в нем слышалось то, что невозможно передать на бумаге.

А чуть поодаль, скрытый тенью, в углу стоял Ризван, наблюдая за встречей отца и дочери.

***

Ризван стоял чуть в стороне, в глубине просторного зала.

Теплый свет бра из-под резных плафонов ложился на мрамор полосами, мягкими, золотыми, будто от пламени старинных ламп. Тени скользили по стенам, и каждый силуэт жил своей тишиной. Шум голосов, движение, звон бокалов, всё казалось далеким, будто через толщу воды. Только одно он слышал ясно — **собственное сердце.**

Она должна была прийти.

Он знал.

Готовился. Мысленно.

Клялся, что не дрогнет, когда увидит.

Но внутри всё было иначе, напряжение висело под кожей, будто тонкая проволока натянутая до предела.

И вдруг — шаги.

Тонкие каблуки по каменному полу.

Шелест ткани.

Запах жасмина и пудры.

И время остановилось…

Ризван поднял взгляд.

Она вошла.

Как раскалённое железо, прожигая землю под его ногами.

Каролина.

Кармен.

Его Кармен.

И всё вернулось, как удар в солнечное сплетение.

Два года.

Твою ж мать!

Два проклятых года, а он помнил каждый изгиб её тела, каждую тень на лице, как она смеялась в Малаге под звуки гитары, как бросала ему вызов на сцене, танцем, в котором горела страсть.

Музыка будто прорвалась изнутри.

Сначала глухо, как гул крови в висках, потом громче, чище…

Скрипка, как её дыхание.

Аккордеон, как его сжатая грудь.

Сейчас же, она стояла.

Холодная. Уверенная. Неприступная.

Он не заметил, как Рашид вышел навстречу ей, неловко улыбаясь от волнения:

— Кариночка… доченька…

Это вынудило скинуть наваждение, что мороком окутывал его, унося в воспоминания прошлого…

Глава 6

От хриплых слов отца, Кармен неожиданно остановилась. Замерла на мгновение.

Хотела улыбнуться, и ничего не вышло. В её горле застрял комок. Слёзы просились наружу, но она держалась.

Так, как учила мама.

«Боль, тоже ритм, дыши в такт».

Отвечать вежливо было проще, чем выпустить наружу всю ту бурю.

— Здравствуйте, — прошептала она. И услышала, как звучит её голос. Чужой, не испанский, не московский. Что-то между.

Его рука нашла её ладонь. Он взял её за пальцы так, будто это был последний жест, который он мог сделать. Её пальцы были прохладны, будто всё тепло осталось на сцене в Малаге.

— Ты приехала, доченька, — сказал он. — Я долго ждал этого дня.

Слова его падали, как осколки. Она слушала, но внутри была стена, слова отпускались через сетку примирения, но не доходили до её сердца. Она вспомнила, как мать шептала ей когда-то, что люди иногда уходят не потому, что не любят, а потому что им кажется, что так будет лучше. Она не верила в такую логику. Иррационально, но искренне.

— Почему теперь? — спросила она тихо.

Её вопрос упал в тишину, и Рашид отвёл взгляд в сторону. В том взгляде было столько же благодарности, сколько и стыда. Он сцепил руки, будто хотел удержать дрожь.

— Если бы я просил прощения, я бы не имел права на эту встречу. Но я хочу, чтобы ты знала, что я ждал. Я помнил. Помнил всё.

Кармен смотрела на него. Хотела ответить резко, чтобы боль прорвалась наружу, чтобы слова ранили, как когда-то ранили её.

Но не смогла.

В груди, помимо боли, жило другое. Усталое, глубокое смирение. Будто годы научили её не мстить, а просто дышать. Она опустила глаза, и в этом движении мелькнуло что-то похожее на понимание. Но еще не прощение.

Она тихо выдохнула и, сама не осознавая зачем, посмотрела туда, куда секунду назад смотрел отец. В угол комнаты. Там, где стояла тень.

И лишь тогда заметила…

Сначала ей показалось, что свет дрогнул, от лампы, от огня в камине.

Но нет, это была не тень.

Это был мужчина.

Он стоял чуть в стороне, почти в полумраке, где отблески от пламени скользили по черному сукну его костюма.

Стоял неподвижно, как часть стены, как будто всегда был там, и просто ждал, когда его заметят.

И вдруг… она прочувствовала взгляд мужчины.

Чужой, знакомый, обжигающий.

До боли!

Сердце рванулось, будто в теле пробежал ток.

Всё внутри оборвалось.

Ризван.

Не имя. Не память.

Удар!

Она забыла, как дышать.

Он тоже…

Не сделал ни шага.

Не произнёс ни слова.

Но его глаза, тёмные, глубокие, впились в неё так, будто между ними не прошло ни дня.

Время замедлилось.

Тишина густела, как в музыке перед аккордом.

И где-то в глубине сознания она снова услышала тот ритм фламенко, гитару, её собственное дыхание.

Всё вернулось. Флешбеками.

Тень у стены шевельнулась, он вышел на шаг вперёд.

И теперь пламя из камина коснулось его лица.

Кармен вдохнула.

Нервно сглотнула.

Секунда, и мир стал глухим.

Только ритм сердца.

Тук, тук, тук.

Раз — пауза — удар… дыхание сквозь боль… не смотри…

Она отвела взгляд.

Он тоже.

Но оба знали, понимали, прошлое вошло в этот дом раньше, чем она переступила порог.

Боль и воспоминание. Ничего не изменилось.

Отец прервал неловкое молчание, вновь оборачиваясь в ту сторону, где стоял Ризван.

— Я вас не представил. Это Ризван Караев, — сказал Рашид, — Мой партнёр по бизнесу и доверенное лицо.

Ризван улыбнулся, полулукаво, полустерильно. Лишь на миг.

— Госпожа Мехмедова? — его голос был чужим, ровным, — Рад знакомству! И добро пожаловать домой!

Мгновение, и вновь их глаза встретились.

В них ощущалось узнавания. Только это перекрывала холодная вежливость.

Её губы задрожали. На миг ей показалось, что все слова мира растаяли.

Они стояли как двое, которые когда-то горели, но теперь вынуждены смотреть друг на друга через лёд.

Так, словно, они и не были знакомы, когда-то давно… в далеком прошлом.

Вдох. Выдох. Тело пронзила дрожь, как после сильного ритма в танце, когда сердце ещё бьётся, а музыка уже закончилась.

Только теперь, они стояли перед отцом.

Чужие.

Но словно связанные одной тайной.

Прошло две секунды, и в его улыбке не было тени признания. Она почувствовала эту улыбку, как ледяной нож.

— Благодарю, — произнесла она так, будто они действительно были незнакомы.

Их взгляды пересеклись ещё на секунду. Короткую, опасную, наполненную сломанными чувствами, виной, записками на подушке, дымом, испанской луной. Затем, расступились. Каждый взор… кудато в сторону, будто случайно.

Тишину нарушил кашель Рашида. Глухой, тяжёлый. Кармен чуть пошатнулась, но быстро взяла себя в руки. Ризван отступил в тень, при этом, не отводил глаз от её лица.

В комнате замерло молчание. Оно было не пустым, в нём звучал ещё не высказанный гам, который проживали их тела. Она опустила глаза, стараясь унять бурю. А он просто отвернулся. Занял позу, будто его не было вовсе, и в этот момент в комнату снова вернулась её реальность:

Отец…

Глава 7

Рашид заметил, как дрогнули её ресницы, списал на истощение, долгим перелётом.

— У тебя дорога в глазах, — прошептал он. — Ты устала. Присядь.

Его голос ломался, но он попытался справиться. Поднял руки, как будто хотел обнять её, но не решился. И просто тихо произнёс:

— Я не могу вернуть то, что потерял. Но если ты позволишь… я хочу рассказать тебе правду. Не оправдания. Просто правду.

В этой фразе было столько смирения, что Кармен почувствовала, как лед в груди трескается. Многие слова могли последовать, и многие из них могли навсегда изменить её. Она смотрела на него и видела не только предателя, видела человека, который всю жизнь прятал боль за маской обязанностей. Это не исцелило, но дало ей что-то вроде опоры.

— Говорите, — сказала она, ослабевая с каждой секундой, от потрясений.

Он сел, пригубил воды, и медленно, словно вынув старый свиток, начал говорить. Его голос был тих, местами ломался. Он говорил о молодости, о том, как в Москве встретил Софью, о том, как брошенная любовь рубила ему ноги, о том, как страх перед семьёй и долгом заставили его молчать. Он говорил о днях, когда приходил в театр, чтобы тайком смотреть, как она танцует. Он говорил об обещании, которое не смог выполнить, о ночах, когда слушал плач ребенка за стеной и не осмелился показать дочь всему миру. Иначе мир, его мир, мог бы разрушить её жизнь… он не осмелился пойти против вековых традиции…

Кармен слушала, и слёзы медленно катились по щекам. Это были слёзы не только от того, что услышала, но и от того, что вдруг увидела глазами другого человека. Его усталость, его одиночество. Как часто люди прячут свои самые страшные слабости за словами «долг» и «честь». Она поняла, что в его признании было столько же боли, сколько и в её потере.

— И всё же, почему вы ушли тогда? — спросила она вскоре, потому что вопрос висел как меч.

— Я боялся разрушить вам судьбу, — прошептал он. — Я думал, что, если останусь, вы будете жить во лжи. Я думал, что воспоминание обо мне станет для вас лучшим средством… но, я ошибался.

Она думала о матери, о её тишине, о письмах, о шкатулке с добрыми словами. И в этот миг весь дом, который казался ей чужим, стал похож на распахнутую книгу, в которой кто-то в спешке вырвал страницы. Ей было тяжело. Но, также было и жгучее желание узнать. Любопытство, которое рождалось не от желания простить, а от потребности понять, как так могло случиться.

Он говорил долго. Про детство, про страхи, про то, как быстро он научился оковывать своё сердце в броню. Про то, как бороться с традицией и совестью можно годами, пока не устанешь и не поймешь, что ничто не освободит, кроме правды. Его слова были просты и искренни. Иногда он замолкал, смотрел на неё, как будто пытаясь разглядеть реакцию. Она не давала ясных ответов. Лишь лицо, где отражался внутренний штиль.

Когда он закончил, в комнате повисла тишина. Звуки казались слишком громкими, где-то вдалеке скрипнула ставня, кто-то тихо шагнул по лестнице. Кармен чувствовала, что в груди её что-то сдвинулось. Это не было прощением. Это было началом длинного пути к нему.

— Я не всевышний, чтобы судить и прощать, — тихо сказала она. — Просто хочу понять.

Рашид опустил голову и прикрыл глаза. Его плечи дрогнули, как будто он только что сбросил тяжёлый рюкзак. Ризван в это время стоял чуть в стороне, и только в его взгляде читалась буря, которую он скрывал. Его лицо было бледнее, чем обычно. Затем он сделал шаг назад и растворился в тени, как будто уходил туда, куда и положено тёмным вещам. В полутень, в тихую работу.

Кармен медленно отступила к входной двери кабинета. Ночь за окном стала гуще. На лестнице шуршали шаги слуг, готовивших комнату для неё. Как бы ни хотела она сейчас остаться, ей нужно было время, чтобы переварить услышанное.

— Дайте мне время, — сказала она наконец. Её голос был мягок, но тверд как шёпот пламенной сцены: «я требую свою паузу», — Мне нужно переварить всё это.

Она вышла.

И только тогда Ризван вдохнул, будто всё это время не имел права дышать.

В груди что-то рванулось, как расстегнувшаяся пуговица судьбы.

Рашид опустил голову и чуть кивнул, бабочкой тронутый надеждой. Ризван же, который стоял на пороге, почти незаметный, ощутил болезненный удар. Он понимал, что этот «временной промежуток» для него, как смертельная доля. Каждая минута в её присутствии была пыткой для обоих. Ведь он пришёл сюда с планом, с расчётом, а теперь же план трещал по швам. Но он не осмелился показать ни слабости, ни сомнения.

— Я тоже пойду, — сказал он тихо. Его голос не просил разрешения, он просто обозначил своё присутствие и уход.

Когда дверь закрылась за ней, в доме долго стояла тишина, но это была не пустота. В ней жил звук маленьких шагов, звук того, как люди с трудом собирают осколки своих судеб. Рашид сел у камина и уткнулся лицом в ладони. Ризван остался в дверях на мгновение, будто проверяя, не забыла ли она что-то важное: шкатулку, слово, память.

Выйдя в коридор, он остановился и тихо произнёс, как молитву:

— Берегите её. Пожалуйста.

Рашид поднял голову и посмотрел на него так, будто впервые взглянул не на помощника, а на человека, у которого свои причины не быть отдельно от этой истории.

— Я постараюсь, — прошептал старик.

И в этот момент Ризван понял, что он уже переступил ту черту, после которой невозможно было вернуться к прежним простым расчетам.

Потерять, это тоже значит любить. А любить… значит быть уязвимым.

Ночь накрыла дом плотной вуалью. Музыка, что дрожала в памяти Кармен, ещё долго звучала где-то в глубоких слоях её души. Ритм оставался, и никто пока не смел нарушить его.

Ризван подошёл к окну и никак не мог покинуть этот особняк, где теперь оставалась его цель, его месть… его ад, и его мечта…

Кровь сестры взывала к справедливости, а он сейчас мог думать лишь об искуплении своей вины на уровне вины её отца.

Его отражение в стекле казалось другим человеком. Тёмный силуэт, лицо которого было чуть искажено лампой. Он вспомнил ночь, когда ушёл, ту последнюю минуту в гримёрке, когда она была вся в огне, и он сказал то слово, что казалось неизбежным: «Я уезжаю».

В нём сражались два начала: расчёт и память. Расчёт подсказывал, что это шанс, чтобы приблизиться к семье, использовать её доверие как рычаг. Память же шептала, это та, ради которой ты однажды ушёл, та, которой невозможно причинить вред и остаться самим собой.

Его тело реагировало сильнее разума, кулаки сжимались, плечи напрягались, в горле стоял привкус металла.

Не отнимая взгляда от темноты, Ризван тихо произнёс:

— Не делай этого, — сказал он, но никто его не слышал.

Он понимал, что то, что началось в эту ночь, изменит всё. И изменит так, что никакие старые планы и холодные расчёты уже не смогут остаться прежними.

Глава 8

Дверь мягко закрылась за спиной.

Щелчок замка прозвучал как точка.

Коридор остался позади, вместе с голосом отца, его стёртым временем взглядом, тенью Ризвана, тяжелой, как клятва.

Хадижат шла тихо рядом, почти невесомая.

Открыла дверь в гостевом коттедже, который был подготовлен к её приезду.

— Отдыхайте, дочь, — сказала она просто.

Не Карина.

Не гостья.

Дочь.

Это слово было как нож и, как объятие одновременно.

Кармен вошла.

Комната была тёплая, просторная, тишина густая, будто воздух знал, что в него сейчас будут кричать.

Огонь в камине дышал, как живое сердце. Тихо, ровно, терпеливо.

Кармен закрыла дверь. Медленно. Так, как закрывают гробницы.

Платок соскользнул с её плеч. Пальцы дрогнули. Воздух был густой. В груди горела злость. Тихая, зрелая, прожжённая, которая копилась два долгих года.

Каждое движение, как механика, без души.

Она не жила эти два года, просто существовала. Тело двигалось, душа – нет.

После него. После того, как он ушёл, словно вырвал из груди не только сердце, но и воздух, и ритм.

Два года она не горела.

Жила, как тень.

Танцевала… но, как будто через стекло.

Сцена была, а души не было.

Но сейчас…

Теперь в ней всё дрожало.

Горело.

Хлестало током изнутри, как огонь, который слишком долго держали в клетке.

Она подошла к окну.

Горы стояли, как свидетели. Безмолвные. Вечные.

И почему-то это, их немая высота, стало последней каплей.

В груди трещина.

В горле — ком…

Она не могла говорить.

Плакать тоже.

Но тело знало путь.

Танец.

Она закрыла глаза.

Пальцы дрогнули.

Ступня нашла пол, будто на сцене.

Колени чуть согнулись.

Плечи опустились.

Пальцы раскрылись, как крылья.

И в голове, тишина.

Затем — ритм.

Глухой.

Глубокий.

Первый стук сердца.

Потом второй.

И словно кто-то поставил иглу на винил, пошел фламенко. Не музыка, а пульс.

Раз — вдох.

Два — удар каблуком.

Щелчок.

Первый удар, как выдох.

Второй, как сердце, сорвавшееся в пропасть.

Третий, как проклятие.

Руки взлетели, как птица, раненая и гордая.

Её тело вспомнило, как гореть.

Наконец-то!

Она вращалась.

Резко.

С хрустом дыхания, с отбивкой пяткой, с дрожью в пальцах.

Не танец. Крик!

Не движение. Исповедь.

Ноги били ритм, будто выбивали сердце из груди.

Пот стекал по вискам.

Воздух резал горло.

Вены звенели от крови… кровь от памяти.

Малага. Лето. Жаркая плитка. Его ладони. Его шёпот.

И как он ушёл…

Как оставил.

Как умерла она, не телом, душой.

Она крутанулась, будто разрывая невидимые нити.

Шаг. Словно удар по судьбе.

Рука, как попытка схватить воздух, которого не хватало два года.

Огонь в камине вспыхнул, как будто отвечал.

Ритм становился быстрее.

Тело резче.

Грудь горела.

Мышцы трещали.

Она танцевала, пока мир не стал красным, как закат в Испании, когда он стоял в дверях и не вернулся.

Не просто танцевала. Она рвала из себя жизнь обратно.

Танцевала не для кого… против всего!

Против прошлого.

Против слёз матери.

Против себя той, что ждала его в Малаге, как безумная.

Плечи рвались вперёд, подбородок высоко, грудь открытая, вызывающая, как у женщины, которая больше не боится быть раненой.

Каблуки били пол, будто выстрелы:

ТАК — за первую ночь, когда он ушёл.

ТАК — за письмо, что она не написала.

ТАК — за сердце, которое умерло, и никто этого не заметил.

Её дыхание стало резким, как ритм кастаньет, и каждый взмах руки рвал воздух.

Не танец. Изгнание бесов из крови.

Музыка звучала только в её теле.

Гитара, как крик.

Скрипка, как рана.

Она кружилась, и юбка взлетала, как огонь.

Щёки горели.

Губы дрожали.

И когда ритм сорвался, она сорвалась тоже.

Колени подломились.

Тело упало на пол, не грациозно, не красиво. Но…

По-живому. Больно. С настоящим звуком.

И только тогда пришли слёзы. Впервые за два года.

Не тихие. Рвущие.

Беззвучные вначале, потом со стоном, как будто душу выворачивало.

Плечи дрожали не от слабости. От силы, которая вернулась слишком резко.

Она прижимала ладони к полу, будто хотела вбить в землю своё сердце, чтобы оно там осталось и не болело.

Наконец-то, впервые за два года, она позволила себе быть слабой.

Не танцовщицей.

Не дочерью.

Не той, что держалась.

А просто…

Раненой душой.

И исцеляющейся этой болью.

— Хватит… — хрипнула она в пустоту. — Пожалуйста… хватит.

Но слезы не слушались.

Они шли, как дождь после засухи.

И это было не поражение.

Это был первый вдох, после смерти.

Где-то, за пределами коттеджа, жизнь шла дальше.

А она, начинала дышать заново.

Через слёзы.

Через поломанное дыхание.

Через огонь, что наконец снова проснулся.

Тишина наполнилась не пустотой, а новой силой.

***

Тишина после танца звенела, как румба, оборванная на последнем аккорде. Кармен лежала на холодном полу, грудь рвало дыхание, пальцы дрожали, прядь волос прилипла к виску.

Дверь была закрыта, но воздух будто изменил плотность, и сердце сразу поняло, что она не одна.

Тень вышла из коридора раньше звука. Тихий, почти неслышимый шаг.

Не шаг, а присутствие, тяжёлое и знакомое, как шрам, который не заживает.

Она подняла голову.

Он стоял в проёме. Реальность. Не призрак. Та, от которой нельзя отвести взгляда.

Ризван выглядел… сбитым с толку.

Он видел всё. Каждый взмах, каждое падение, каждую рваную ноту её танца. То, что не в силах было стереть.

Она не успела вытереть слёзы, и не стала.

— Как давно ты… стоишь? — голос её был шёпотом, но в нём дрожал стальной кант.

— Достаточно, — ответил он глухо. — Чтобы понять…

Он замолчал, потому что правду произнести было больно. Понимать, что она танцевала так, будто он её убил.

Не выносимо!

Она поднялась шатко, собралась в позу, где нет дрожи, только вызов.

В присутствии отца, она сдержалась. Смогла быть хладнокровной в его присутствии. Проявила должную вежливость. Но сейчас… буря в душе рвалась на волю.

— Впитывал мою боль? — усмешка сорвалась хрипло, — Или наслаждался?

Он сделал шаг. Резкий, как удар. Его глаза вспыхнули тем огнём, который некогда сводил её с ума.

— Если бы ты знала, что это значит, видеть, как ты… — он замолчал, стиснув челюсть.

— Жива? — горький смех её резал воздух. — После тебя? Ты это хотел сказать?

Он опустил взгляд на её дрожащие руки, на босые ступни, на след слезы, оставленный на щеке. Голос его сорвался, и это было страшнее крика:

— Ты думаешь, это было легко для меня?

Она шагнула вперёд, так близко, что он уловил запах пота и соли, запах борьбы. Это был не призыв, не вопрос. Вызов.

— Нет, — её голос шёл тихо, почти спокойно. Самое страшное спокойствие, — Я думаю, ты трус.

Он вздохнул, как хищник, потревоженный кровью. В его голосе прозвучало предупреждение:

— Осторожнее. Ты не знаешь и половины.

— А хотелось бы знать! — в голосе Кармен вспыхнула ярость, — Что ты здесь делаешь, Риз?

Его челюсть дернулась, на мгновение он потерял опору, будто не верил, что стоит в этой комнате.

— Твой отец пригласил, — сказал он сухо, — Я пришёл по его просьбе.

Она рассмеялась. Тихо, почти беззвучно, как плач, из которого вытравлена жалость.

— Конечно! — вновь хрипло усмехнулась Кармен, — Ты всегда там, где боль.

Он шагнул, едва заметно, будто собираясь прикоснуться. Пальцы его дрогнули.

Она отступила ровно на полшага, это был не жест избегания, а плевок в его гордость.

— Если ты пришёл забрать мою душу во второй раз… — она вытерла щёку тыльной стороной ладони, — то опоздал. Я вернулась к себе. И не позволю...

— Кармен… — его голос почти треснул, — Не делай из меня монстра.

— Ты сам себя сделал, — ответила она, не отводя взгляда.

Тишина впилась между ними, горячая и режущая, как раскалённый металл. Он выдохнул, тяжело, будто ударил кулаком по стене внутри себя.

— Я не ушёл из-за тебя.

— Я знаю, — холодно ответила она. — Ты ушёл из-за себя.

Слова попали точно. На мгновение он сник, будто раненный. Тень упала на его лицо, и он выглядел сломленным, не лицом, а чем-то внутри, что не осталось целым.

Она прошла мимо, величественно и медленно, как на подиуме. На пороге остановилась, с трудом сдерживая голос:

— Отец не в курсе, что мы знакомы, да? — спросила она.

— Нет.

— Пусть так и останется. — Глаза её сверкнули. — Я научилась дышать без тебя. Теперь уходи, Риз.

Тишина осела на мгновение.

Гул крови барабанил виски.

Трещина в голосе, как у ружья перед выстрелом, прозвучала следом из её уст.

— Больше не смей смотреть на меня так, — сказала тихо Кармен, — Как будто я всё ещё твоя.

И развернулась.

Шаг гордый, высокий, будто сцена снова под ней.

Но пальцы дрожали.

Её сердце горело.

А он стоял за спиной, и впервые в его взгляде не былольда.

Только огонь, такой же безжалостный.

В комнате повисла густая тишина. Он провёл рукой по лицу, и шепотом, почти молитвой, произнёс:

— Но ты была.

Выдержал паузу. Тяжело вздохнул.

— И будешь!

Дверь за ним закрылась.

Но было ясно одно, это только начало их войны.

Глава 9

Он стоял у двери, будто прибит к полу. Вены на шее пульсировали. Горло сжимало так, что дышать было больно.

Она танцевала так, как умирают.

Если и не красиво, то честно. Не ради зрителя, ради спасения. Каждое движение, как нож в грудь. Каждый поворот, будто она пыталась стряхнуть из себя прошлое, стереть память, вырвать ту часть, где был он.

А потом… упала.

Перед ним.

Почти к его ногам.

Как будто мир признал их связь раньше, чем они сами.

Он хотел остаться камнем.

Холодным.

Тёмным.

Забывшим.

Но когда её пальцы дрогнули на полу, а плечи затряслись от первого настоящего рыдания… внутри что-то сломалось.

Он должен был пройти мимо.

Оставить.

Сломанную.

Одинокую.

Ведь он пришёл сюда за местью.

А значит, не за ней.

Но ноги сами сделали шаг.

Пальцы дрогнули, хотел поднять её, удержать.

Остановил только голос рассудка и старая клятва:

«Она — дочь врага».

Сейчас она была огнём снова.

Но этим огнём она жгла его.

Он выдохнул, заставляя себя отступить.

Только теперь внутри прозвучало другое:

«Или та, кого ты потерял?..»

***

Он вышел в ночь.

Воздух был тяжёлый, будто пропитан дымом её боли.

Сел за руль, но не завёл двигатель.

Просто сидел.

Смотрел на руки, и не узнавал их.

Они привыкли держать оружие.

А теперь дрожали.

Перед глазами была она.

Как кружится в пламени, как будто издевается над болью.

Как падает на колени, словно в этом падении, всё, что он потерял.

— Зачем ты так, Кармен… — прошептал он, почти неосознанно.

Имя разорвалось на губах, как выстрел.

Он откинулся на сиденье и закрыл глаза.

Он пришёл сюда, чтобы убедиться, что всё идёт по плану.

Что месть жива, дышит, приближается.

Но теперь… в груди будто пульсировала другая жизнь, болезненная, упрямая.

Всё пошло не так.

Она не должна была быть ею.

Той самой женщиной, ради которой когда-то, возможно, стоило бы остаться живым.

Он сжал кулаки до хруста.

На ладони остались следы ногтей, острые, как её шаги по сцене.

— Ты не имеешь права ломать меня сейчас, — выдохнул он в темноту.

Но внутри уже знал.

Поздно.

Она снова там, под кожей.

В каждом вдохе, в каждом ударе сердца, в каждой трещине, что расползается в его броне.

И он понял, что, если этот план, дорога к гибели, то он всё равно пойдёт по ней.

***

В машине он открыл бардачок и вынул фотографию сестры.

Амина — заводная, живая, с той самой улыбкой, что подбадривала его в детстве. Он положил снимок рядом с ладонью и почувствовал, как цель снова обретает форму.

И тут, внезапно телефон завибрировал, как насмешка судьбы.

Как напоминание, что его цель оправдана. И сейчас не время любить!

Экран мелькнул знакомым именем: Булат.

Рука дрогнула едва заметно. Разговор начался сухо, по пунктам, как и полагалось людям, которые учились не доверять эмоциям.

— Брат, есть движение, — напряженно проговорил Булат. — Иса нашёл зацепку. В архиве засветился свидетель, который видел тот черный майбах. Но он внезапно исчез. Иса говорит, что сможет докопаться. Кто-то пытался замести след. Но в записях, что он нашёл мелькает одно и тоже имя.

Ризван слушал, словно слышал через воду. Слова приходили и уходили, а в голове уже начиналась картография: кто, где, возможный маршрут, слабые места оповещения, человеческие сети, где прячется правда. Булат умел находить ниточки там, где другие видели лишь пыль.

— Имя? — выплюнул он, не скрывая нетерпения.

— Муса. И ещё, Иса говорит, зачищают аккуратно. Возможно, мы опоздали. Там… это… слишком чисто.

— Где свидетель? — спросил он.

— Не по телефону, брат. Иса просил встречи с тобой.

Холодный воздух в машине казался плотнее. Ризван положил фото сестры лицом вниз, как будто можно было закрыть глаза на то, что изображено. Сжал кулак. Пульс у виска бился ровно.

— Держи всё под контролем, — сказал он спокойно, — Я буду в городе через два часа. Иса знает, где ждать.

Звонок оборвался, и в тишине осталось только собственное дыхание. Месть перестала быть словом-присягой, она стала рабочим планом, картой с пометками: место, человек, время.

Он достал пистолет, положил его рядом с фотографией, металлический холод казался теперь роднее, чем память. Нельзя сломать себя ради мести, подумал он. Нужно лишь сделать так, чтобы расплата не ушла в никуда.

За окном поднялся ветер. А он уверенной рукой заводил машину. Ночь готовила длинную, холодную работу.

Глава 10

В горах туман не приходит, он рождается прямо из дыхания земли.

Кармен проснулась от странного звука, словно кто-то пропевал утренний воздух тонкой серебряной нитью.

Не песня.

Не молитва.

Женский голос за окном. Чистый, мягкий, как вода, что скользит по камню.

Она не поняла слова, но почувствовала смысл:

«Встань. Живи. Сегодня начнётся то, что ты боялась начать».

Плечи тяжёлые, руки гудят.

Тело всё ещё помнило ночной танец, как кожу, которую обожгли огнём изнутри.

Ей казалось, что она умерла ночью и родилась снова.

Но новое, всегда чужое.

Особенно здесь.

Она разлепила веки. И увидела горы.

Не просто ландшафт, что-то первобытное, старше боли, старше времени.

Мрачный синий хребет, где цвет утра гасил ночной огонь.

Дышать было тяжело, будто воздух был преждевременно густым.

Она села.

Взгляд скользнул по комнате, гостевой дом, будто вырезанный из камня, дерева и тишины. Ковёр ручной работы. Кованые лампы. Невесомые занавески цвета молока.

И это странное ощущение:

Словно её спрятали, но не спрятались от неё.

На прикроватной тумбочке стояла пиала воды и свежий хлеб.

Знак заботы.

Или знак наблюдения?..

В этих местах одно не исключало другое.

Тишина покоилась на её шее холодным лезвием.

И тогда пришло воспоминание, как ножом по сердцу.

Её танец.

Пол под босыми ногами.

Рёв крови.

Слёзы, которых она так долго не могла извлечь из души.

И он.

Там, в дверях.

Ризван….

Он видел её падение.

Он видел её смерть… и второй рождение, через танец… через слёзы… которое не было ему подарено.

Кармен вдохнула резко, как после рыдания.

— Господи… — прошептала она по-испански, по привычке, — за что ты привёл меня к нему снова?..

Ответа не было. Только утро, которое молчало мудрее богов.

Дверь тихо скрипнула.

Вошла Хадижат, как сама тишина.

Лицо спокойное. В руках поднос с чаем, медом, сыром, горячей лепёшкой, дымящейся, как солнце.

— Доброе утро, дитя, — сказала она мягко. — Ночь была тяжёлая?

Кармен не ответила сразу.

В её мире женщины не спрашивали так прямо, честно. Там люди боялись чужих чувств.

А здесь…

Слово «дитя» прозвучало не как умаление, а как оберег.

— Да, — Кармен наконец выдохнула. — Но я жива.

Хадижат посмотрела на неё так, будто умела видеть души, а не лица.

— Плачь ночью, и утро будет чище. Так говорят в горах.

Кармен чуть усмехнулась.

Горько.

Но впервые, ощущала себя не одиноко.

— Спасибо.

— Поешь, — сказала женщина, — потом пойдём к остальным.

Остальные.

Слово прозвучало… как провокация.

Кармен замерла.

— Женщины?..

— Конечно. Дом не может дышать без их голоса, — и мягко добавила Хадижат, — Ты поздно встала. Но, нужно подкрепиться.

***

Они вышли в сад.

Туман клубился по дорожкам, как дым жертвенного костра. За стеной слышался мужской голос, низкий, тягучий, словно земля говорила сама, это утренняя молитва.

Женщины сидели на коврах во дворе, возле каменного очага.

Молодые — с мягкими лицами и искрами в глазах.

Старшие — статные, в тёмных платках, как хранительницы древнего огня.

Они перебирали тесто, зелень, сыр. Кто-то вышивал. Кто-то чистил орехи. И всё это, под тихий говор, шёпот, смех, правила, что старше слов.

Кармен остановилась.

Не знала, куда поставить руки, куда деть дыхание.

Они взглянули на неё, внимательно, но не враждебно.

Так смотрят на человека, который должен быть сильным, чтобы выжить здесь.

— Салам алейкум сёстры, — сказала Хадижат, приглашая Кармен присоединиться к остальным. — Дочь приехала.

Не гостья.

Не девушка издалека.

А именно, дочь.

Так здесь впускают.

И так же, могут растоптать, если окажешься не достойной этого слова.

Одна из девушек, с огромными тёмными глазами и лёгкими ладонями, подвинулась.

— Садись, — сказала она. — Мы лепим хинкал. Давай покажу, как.

Хинкал.

Пар.

Тесто.

Женский ритм.

В глазах Кармен проскользнул восторг.

Не барабаны фламенко, а кухонная музыка, тихая, священная.

Кармен села.

Пальцы коснулись муки.

Мягкой, как память о руках матери. И вдруг, ком в горле. Такой тихий, резкий, что ей пришлось отвернуться, будто ослепило светом.

— У тебя красивые руки, — сказала старшая женщина. — Руки, которые умеют говорить.

— Они… — Кармен сглотнула. — Они привыкли к другому.

— Руки привыкают ко всему. Главное, это сердце.

Кармен подняла глаза. И увидела, не осуждение, не «чужую». Скорее… испытание.

Женщины здесь, как горы, не принимают слабость, но чтят силу.

— Ты танцуешь? — спросила девушка с тонкой косой, будто знала.

Кармен выдохнула.

Слово было ножом и спасением.

Она не танцевала, почти два года. Так яростно, с огнем, с жаждой жизни. Как вчера! Всё было, как в тумане, без души. И всё же ответила, кивая:

— Да.

— Значит, кровь у тебя горячая, — сказала старшая. — Здесь это уважают.

Это было признание.

И вызов.

Кармен взяла тесто в ладони. Оно было тёплым. Живым. Как когда-то сцена…

Как когда-то он…

За этой милой беседой, она почти расслабилась, когда услышала шаги.

Мужские.

Гулкие, уверенные, будто земля знала их заранее.

Женщины не обернулись. Только стихли на миг, едва заметно.

Кармен почувствовала, как холод прошёл по позвоночнику.

Тишина стала плотнее.

И голос Самира, старшего брата, прозвучал из-за спины:

— Гостиная готова. Отец ждёт на завтрак.

Она обернулась, но взгляд её сорвался куда-то дальше. Потому что за спиной Самира стоял ещё один мужчина.

Чёрное пальто.

Свет лёг на плечи.

Смех куда-то исчез из воздуха, как если бы его никогда не было.

Ризван.

И снова он!

Он не шёл.

Он стоял.

И этого было достаточно, чтобы воздух дрогнул.

Глаза, как тёмный металл, переживший огонь.

Она замерла на секунду, мизерную, но он заметил.

Угол его губ дрогнул, не в улыбке. В напряжении. В боли, которая не имела права быть видимой.

Горный ветер прошёл между ними, как предупреждение.

Женщины опустили взгляды.

Словно знали, что тут, на пару дыханий, мир стал тонким как стекло.

Кармен поднялась.

Тихо, с тем достоинством, которое мать вырастила в ней, как лозу у моря.

Она прошла мимо него, не коснувшись, не глядя. Но, когда дыхание их пересеклось, кожа на затылке вспыхнула.

И она слышала, скорее почувствовала, он тоже дышит иначе.

Как будто ночь снова стояла между ними.

Танец.

Падение.

Слёзы, которых он не имел права видеть.

— Готова? — голос Самира разрезал напряжение.

— Да, — сказала она ровно.

Но внутри… сердце билось не в ритме гор. А в ритме, который она так боялась, и которого он больше не мог вынести.

Фламенко.

Страх.

Гнев.

И что-то ещё.

Что-то, запретное.

Она прошла вперёд. Туман расступался, как люди перед тайной. Позади остались женщины. Тесто. Мягкий дым.

И он.

Горящий.

Сломанный.

Опасный!

Там, где прошлое всё ещё дышало.

И где, однажды, кто-то обязательно обожжётся.

Глава 11

Они вошли в большую гостиную.

Женщины шли позади.

Кармен — впереди, одна, как требуется той, кого выводят в судьбу семьи.

Рашид поднялся. Это движение заставило подняться всех мужчин.

Но в их движениях не было теплоты, только долг.

Горы тоже умеют кланяться, но не смягчаться.

— Карина, — сказал он, и это имя легло на комнату тяжело, как кровь на камень, — Дочь моя.

Мир вздохнул и замер, лишь от одного этого упоминания.

В комнате стало непривычно тихо, будто стены слушали, как это слово меняет вес внутри этого дома.

Рашид обратил взор на мужчин, представляя ей.

— Самир, мой старший сын. Думаю, вы уже знакомы, — затем перевёл взгляд на другого, что стоял чуть поодаль, — Руслан, младший.

Кивок. Стеклянная вежливость. Оценка.

Они смотрели так, как смотрят волки, когда в стаю вводят ещё одного.

Самир чуть наклонил голову. Ровный, закрытый, глаза как стекло, где мысленно проверяют на прочность.

Руслан улыбнулся шире, чем нужно, только чётки в руках выдавали тревогу.

— Доброе утро, — сказал младший.

Кармен ответила кивком.

Иногда доброжелательность опаснее прямой вражды.

И только после, вошёл он.

Ризван.

Молчание вокруг него менялось, как воздух перед грозой.

Он не смотрел на неё.

А она, на него.

И именно это заставило его мышцы натянуться, будто он стоял на краю пропасти.

Отец обернулся к Ризвану, и чуть кивнул головой.

— С Ризваном вы также уже знакомы.

Кармен едва заметно подняла подбородок.

— Благодарю, — тихо ответила она.

Мать научила: достоинство не сгибается, оно дышит.

Мгновение держалось, как горная тишина перед эхом.

— Еще раз, добро пожаловать домой, — сказал отец, — Я очень рад твоему приезду.

Слово *домой*резануло каждого по-разному.

Слово, которое может быть и благословением, и угрозой.

— Пойдёмте к столу, — произнёс отец.

И только тогда они двинулись.

Как в старинном танце, каждый на своей линии, каждый с ножом в сердце, который ещё не вынут.

***

Утро в доме было не ласковым. Выстроенным, как приказ.

По коридорам тянулся запах свежего хлеба, мёда и жареного сыра. Всё правильно, всё по-домашнему, но Кармен казалось, что стены наблюдают.

Она села за длинный стол, не касаясь спинкой кресла.

Спина прямая. Шея, как струна. Взгляд спокойный, но внутри ещё тлел пепел ночи.

Рашид сел во главе стола.

Человек, который командовал войной, теперь командовал тишиной.

— Завтра вечером будет ужин, — сказал он спокойно, но металл в голосе резонировал, — Представлю Карину… как наследницу. Равную.

Тишина легла, как нож о лезвие.

Самир не шелохнулся, но пальцы крепче обхватили чайный стакан.

Руслан замер, ложка слегка дрогнула о стекло, мелочь, но как выстрел в тишине.

Оба улыбались.

По-семейному.

По-правильному.

По-опасному.

Кармен вдохнула, не глубоко.

Она видела такое в глазах мужчин на арене в Малаге.

Не ненависть.

Оценку.

Готовность.

Ризван смотрел не на них, на воздух между Кармен и её братьями. Как будто видел, как там рождаются тени.

И внутри него впервые за эти годы холод не удержал жар.

Он почувствовал удар инстинкта, древнего, хищного.

Не ради мести.

Ради неё.

Он опустил взгляд, чтобы никто не видел, как это проскользнуло в глазах.

На стол поставили чай.

Тишина треснула тонко, и снова сомкнулась.

Утро продолжилось.

Но мир уже изменился.

Глава 12

Завтрак в кругу семьи шел своим чередом, будто ничего особенного не прозвучало. Но слова, сказанные Рашидом, уже жили в каждом из мужчин.

И дом будто ждал следующего шага… который не заставил себя ждать.

Снаружи послышался ворчливый голос и шаги по камню. Дверь в гостиную приоткрылась.

На пороге стоял юрист, седой, сухой, как горный ветер.

На нём была традиционная папаха, пальто в мелкую ёлочку, папка под мышкой.

Он выглядел так, будто несёт не документы, а судьбу.

— Рашид-бек… — произнёс он почтительно. — Вы просили зайти утром.

Тишина треснула. Тонко, как ломается лед под сапогом.

Самир медленно поднял глаза.

Руслан перестал жевать.

Ризван чуть выпрямился, взгляд его стал ещё темнее.

Рашид опёрся на стол ладонью и поднялся.

— Поднимайтесь, — сказал он. Голос тяжёлый, как камень. — Все. Пойдёмте в кабинет. Есть то, что должны услышать все мои дети.

Слово «дети» прозвучало так, будто он ставил печать.

Самир поднялся первым, как тень за отцом.

Руслан чуть медленнее, но со сжатой челюстью.

Ризван встал последним, будто примеряя на себя грядущую войну. Он искоса бросил взгляд на Кармен.

Там было предупреждение.

И, главное… беспокойство, в котором он сам себе даже и не признался бы.

Кармен встала последней.

Юрист отступил назад, пропуская их внутрь коридора. И в этот момент дом стал похож на крепость, которая вот-вот захлопнет ворота перед грозой.

Она чувствовала, что шаг в кабинет, как шаг в иной круг боя, где не будет ни танца, ни дыхания. Только слова, которые могут ранить глубже клинка.

Коридор был длинным, воздух плотным.

Каждый шаг отдавался эхом, будто дом слушал. Когда они подошли к резной двери кабинета, Рашид задержал взгляд на дочери, и впервые за всё утро в его глазах дрогнула тёплая тень.

— Проходи, — сказал он.

Не приказ. Приглашение.

Ровное. Тяжёлое. Судьбоносное.

Кармен вошла первой. Мужчины следом.

Дверь закрылась.

***

Тишина в кабинете была иной. Растянутая, как тетива.

Тяжёлый запах табака, старого дерева, шёлковых штор. Солнце прорезало воздух тонким, холодным клинком.

Рашид сел во главе стола. Плечи прямые, лицо собранное. Сегодня он был не просто больным стариком, а главой рода.

Рядом стоял седой юрист в традиционной папахе и очках на тонкой оправе. Документы лежали перед ним аккуратными стопками.

Самир стоял сбоку, руки за спиной. Выдержка, уверенность, ледяное спокойствие хищника.

Руслан чуть развалившись в кресле. Молодой, горячий, вспыльчивый. Глаза метали искры, смесь ревности и скрытой паники.

И Ризван.

В стороне.

Не родной, но ближе, чем кровь.

Тень за плечом хозяина.

Тишина в человеческом виде.

Кармен осмотрелась по сторонам. Плавно, будто её шаг был нотой, и воздух слушал.

Тёмное платье подчёркивало её изящество. Лицо спокойное, но в глазах, настороженность.

Красива и опасна. Как пламя, которое научилось быть льдом.

Кожаное кресло заскрипело, когда она села.

Сердце било ровно, до тех пор, пока не встретило взгляд Ризвана.

Он смотрел не на неё.

Сквозь неё.

Как будто проверял, выдержит ли она собственную судьбу.

Рашид заговорил.

— Сегодня… я хочу оформить то, что должно было быть сделано давно.

Голос дрогнул только на первой ноте. Потом, стал твёрдым, как камень.

Юрист раскрыл папку.

Самир напрягся.

Руслан поднял бровь.

Кармен медленно вдохнула.

— Моё имущество, земли, доли в бизнесе… — продолжил Рашид, — Я делю поровну между тремя детьми.

Слова повисли в воздухе.

Тяжёлые, как груз судьбы.

Улыбка Самира была мягкой, почти незаметной. Но глаза…

Слишком спокойные.

Как у человека, который уже считает, кому сломать пальцы первому.

Руслан даже не пытался скрыть негодование:

— Ты серьёзно? — выдохнул он.

Без уважения. Без маски.

Гнев юности, что не умеет молчать.

— Тише! — Самир бросил едва слышный шип.

И та злость, что жила в брате, свернулась, как змей.

Пока.

Ризван не двинулся.

Но воздух вокруг него стал тяжелее.

Он видел, как мир рушится медленно, красиво, как стекло подо льдом.

Кармен сидела ровно.

Пальцы сжимали ткань на коленях.

Ни тени страха. Только удивление, усталость и нежелание верить.

— Я не просила… — начала она.

— Ты и не должна просить, — тихо ответил отец, — Это твоё право! Твоё место здесь. И твоя кровь, не меньше, чем их.

Слова были как благословение.

И как проклятие.

Потому что семья улыбалась. Но их улыбки пахли смертью.

Юрист поднял глаза.

— Подписи нужны сегодня.

В кабинете стало тесно, хоть стены были широкие.

Ризван смотрел только на её профиль. Он видел, как её гордость держит лицо, как руки дрожат едва заметно, как мир принимает её, но не принимают её братья…

В горле у него встал металлический вкус. Так бывает, когда слишком долго держишь дыхание. Он смотрел на них троих. На братьев, чьи улыбки были тоньше клинка. На Кармен, которая сидела ровно, как будто сама стала частью гор, и горы признали её своей.

И впервые за два года он почувствовал не только боль утраты, но и… страх.

Не за себя.

За неё.

Он ненавидел это ощущение.

Ненавидел, потому что оно ломало самое главное в его жизни. Прямую, холодную линию мести.

Чтобы вернуть себе ровность дыхания, он заставил память ударить сильнее:

Амина.

Её смех.

Её кровь на асфальте.

Закрытое дело.

Чёрный майбах.

Свидетель, исчезнувший, будто его и не было.

Имя, которое всплыло в архиве, как кость в мутной воде…

Месть не ушла.

Она ждёт.

Она сидит в нём тихо, как зверь, которому не дали добить добычу.

Но теперь зверь смотрел… не только на Рашида.

Он смотрел на всех, кто был за этим столом.

И больше всего, на неё.

Он не знал, сможет ли нанести удар, когда придёт время.

Сможет ли видеть её на линии огня.

Сможет ли идти до конца, если эта дорога пройдёт через её боль.

Он отвёл взгляд первым.

Впервые.

И понял, что страх потерять её страшнее, чем страх не отомстить.

А это была самая опасная мысль в его жизни.

Но отступать было поздно.

Рашид поднял руку.

Жест спокойный. Но сродни приказу.

— Поздравляю. С этого дня, ты часть рода. И дома. На равных.

Кармен кивнула.

Глаза блестели. Не от слёз. От стали внутри.

Самир медленно сказал:

— Добро пожаловать… сестра.

Слово «сестра» прозвучало так, будто он пробовал на вкус, проверяя, не станет ли оно ядом.

Руслан усмехнулся:

— Посмотрим, как долго ты здесь протянешь. Горы не всех могут принять.

Это был вызов.

Тонкий.

Но в горах угроза никогда не звучит громко.

Её вплетают в воздух.

Ризван знал это, как никто другой.

***

Завершив с документами, Рашид закрыл папку, медленно, будто ставил последнюю точку там, где много лет боялся её поставить.

Юрист собрал бумаги, поклонился каждому по очереди, чуть ниже Кармен, уважительней, чем требовал этикет, и тихо вышел.

Мужчины поднялись почти одновременно.

Напряжение в комнате стало живым, как змея, и никто не хотел уходить первым, слишком много чувств кипело под кожей.

Рашид жестом остановил Кармен, когда она уже собиралась выйти за остальными.

— Постой дочь, — его голос стал неожиданно мягким, как бывает у горца лишь с дочерью или сестрой.

Он смотрел на неё так, будто хотел в её лице разглядеть то, что потерял много лет назад.

— Хадижат покажет тебе дом, — сказал он ласково, — Ты должна знать каждый угол. Ты здесь… не гостья.

Он вдохнул тяжело, словно страшась её отказа и продолжил:

— Ты хозяйка, Карина. Как и положено дочери главы рода.

Слова легли на плечи как плащ, почётный, но при этом тяжёлый от ответственности, и опасный.

Хадижат подошла со спины почти бесшумно. Ладонь её легла на локоть Кармен, осторожно, как прикасаются к пламенному металлу.

— Идём, дочь, — сказала она тихо. — Дом ждал тебя давно.

И когда Кармен шагнула к двери, она почувствовала на себе три взгляда:

Самира, как холодную оценку.

Руслана, в котором был азарт и вызов.

И Ризвана. Тень тревоги, которую он пытался спрятать.

***

Во дворе воздух был другим.

Свежий.

Острый.

Будто сам ветер хотел разорвать на части тяжесть, оставшуюся в кабинетных стенах.

Кармен вдохнула глубже.

Горы пахли сном и сталью.

Братья ждали под солнцем.

Самир стоял неподвижно, будто вырезан из камня.

Руслан же с лёгкой ухмылкой. Такой, от которой у женщин по спине бегает холодок.

Он склонил голову:

— Ну что, сестра… покажем тебе двор?

Его улыбка была слишком мягкой, чтобы быть доброй.

Кармен ответила ровно, без дрожи:

— Почему бы и нет?

— Двор, — сказал Самир, акцентируя на словах и оборачиваясь к ней, — Это часть дома. Часть рода.

В его голосе не было приглашения.

Это звучало, как испытание.

Руслан ухмыльнулся:

— У нас тут всё просто. Либо ты держишься, либо падаешь.

Кармен ответила мягкой, почти ленивой улыбкой. Та, что всегда раздражала самцов, которые привыкли, что женщина смотрит в землю.

— Я не падаю, — сказала она тихо.

Это задело обоих.

Они переглянулись, ухмыляясь друг другу.

И троица двинулась к конюшне, туда, где запах сена смешивался с пылью, где жеребцы били копытом камень, и где мужчины часто проверяют, из какого ты теста сделан.

Ризван шел позади.

Тихий.

Опасный.

Как тень, которая выбирает, когда стать огнём.

***

Конюшня стояла на краю владений, выстроенная, как резиденция для лучших породистых лошадей.

Тёмное дерево, резные колонны, широкие арочные проходы, запах свежего сена и дорогой кожи.

По бокам возвышались каменные светильники, по центру был длинный проход, ведущий к открытой террасе.

А за этой террасой…

Открывался вид, от которого перехватывало дыхание.

Горы, уходящие в небо.

Долина, тропы, и дом Рашида. Выше всех, как крепость, что смотрит на мир сверху вниз.

Кармен остановилась у входа на секунду, поражённая. И даже братья, на долю мгновения, перестали играть в хищников. Потому что каждый, кто входил сюда, чувствовал одно, что это не просто конюшня.

Это гордость рода.

Конюх, седой Байса, поклонился Самиру. Но, увидев Кармен, замер, не от неуважения, от непонимания.

Сыновья хозяина стояли по бокам. Как волки. Выказывая превосходство. Почти хищное спокойствие.

Самир вдруг сказал:

— Ты ведь в Испании жила.

— Да, — ответила она спокойно.

— В городе, — уточнил он.

— В разных местах, — всё так же мягко отвечала Кармен.

Руслан подался ближе, улыбнувшись:

— А на коне была когда-нибудь?

Она на секунду приподняла бровь, без страха, без кокетства.

Чистая уверенность.

— Да.

Руслан усмехнулся:

— Не на карусели дорожки, надеюсь?

Женщины ахнули, что стояли за ограждением внутреннего двора.

Кармен медленно повернула к нему голову:

— На ранчо. В Андалусии.

— А-а-а, — Руслан протянул вскинув бровь, — значит, танцевать на коне умеешь?

Это был прозрачный намёк.

Грязный.

Скрытый оскорбительный подтекст.

Самир глянул на брата резко, но не остановил.

— Дай ей Карабаха, — сказал Самир конюху, будто между делом.

Байса побледнел.

— Господин Самир… — осторожно начал он. — Он сегодня горячий. Не стоит…

Самир бросил взгляд на конюха. Холодный. Стальной. И тот замолк.

Карабаха вывели.

Тот норовил вырваться. Раздался тяжёлый, глухой топот, как раскат далёкого грома.

Вначале показалась его тень. Большая, живая, нервная.

И лишь после, он сам.

Чёрный. Настолько, что солнечные блики скользили по нему, как по отполированному обсидиану.

Высокий.

В два человеческих роста, с мощной шеей, налитой силой, как натянутая арка. Крепкий, как рок. Что каждая мышца перекатывалась под кожей, будто в нём жил зверь постарше и опаснее лошади.

Грива рассыпалась по плечам густым, волчьим потоком. Ноздри вздулись, выдыхая горячий пар. Он не просто фыркнул. Он рявкнул, как зверь, предупреждая:

«Не подходи, если хочешь жить».

Конюх держал длинный кожаный повод, и то с трудом.

Карабах рванулся вперёд, как стрела, и мужчину качнуло назад.

— Ох! Потише, красавец… — пробормотал тот, впиваясь пальцами в ремень.

Карабах взвился на передние ноги, бьющий копытами воздух. Тень от него упала на землю, как чёрный хищный силуэт. Глаза коня сверкали, как у зверя, который не признаёт слабых.

Для новичка, явная смерть.

Для опытного седока, дерзкое испытание.

А для тех, кто хочет унизить — подходящий инструмент.

Руслан сделал шаг.

Пожал ладонь конюха на плече.

— Не бойся. Она же, равная, — произнёс он, с насмешкой повторив слова отца.

Самир сложил руки на груди:

— Покажи нам, сестра.

— Что? — спросила Кармен.

— На что ты способна.

Слова прозвучали не как просьба.

Как вызов.

***

Она подошла к Карабаху медленно. Не боясь. Не торопясь.

Лошадь мотнула головой, свистнула ноздрями. Тяжело, угрожающе, как буря в горах.

Байса хотел вмешаться, но Самир прижал его взглядом.

Кармен протянула ладонь.

Не вверх.

Не в шею.

Вниз, к груди, туда, где зверь чувствует дыхание.

Испанцы так успокаивают горячих коней.

Не давят.

Слушают.

Карабах дёрнул мордой, словно хотел укусить… и вдруг замер.

Воцарилась тишина.

Кармен медленно приближалась к гнедому жеребцу, без резких движений. Ласково смотрела ему в глаза.

Самир поморщил лоб:

— Осторожней. Это не по сцене танцевать.

Кармен мягко ответила, не отрывая взгляда от норовистого коня:

— На сцене проще. Здесь честнее.

Жеребец фыркнул, и чуть склонил голову. Словно позволяя ладони Кармен коснуться его. И она воспользовалась приглашением коня, коснулась медленно его шеи, уверенно, мягко, почти по-испански, с тем же внутренним огнём, с которым касалась кастаньет.

Лошадь тяжело выдохнула, затем поддалась и опустила голову.

Женщины ахнули. Байса пробурчал молитву под нос.

Самир едва заметно приподнял бровь. А Руслан потерял улыбку.

Кармен сказала:

— Держи стремя, — и посмотрела прямо на Руслана.

Тон её звучал, как у королевы.

Никакой покорности.

Никакого страха.

Руслан подчинился, неосознанно.

Она взлетела в седло так легко, как будто не два года жила в боли, а тренировалась каждое утро.

Карабах почувствовал её посадку. Ноздри раздулись. Зверь под ней стал живым огнём.

Самир тихо сказал:

— Она не удержится.

Руслан усмехнулся:

— Ставлю, что нет.

Байса закрыл лицо руками.

Кармен взяла поводья.

Её пальцы, мягкие, но уверенные.

Не городские…

И…

Карабах рванул.

Слишком резко.

Слишком быстро.

Кто-то сделал это специально.

Слишком явный толчок по крупу.

Руслан?

Самир?..

Не важно!

Конь сорвался, как выстрел.

Женщины закричали.

Байса выругался.

Но Ризван заметил движение, и запомнил…

Кармен на удивление всех зевак, не упала. Она ушла в седло, будто в танец.

Спина прогнулась. Плечи мягко повернулись. Колени вжались. Тело стало частью зверя.

Поворот.

Рывок.

Вскрик лошади.

Резкое движение бедром… и Карабах остановился, как будто онабыла его хозяином.

Мир на секунду словно замер, застыл.

И в этот миг, Руслан ехидно отразил поражение шуткой:

— Ух ты… испанские уроки пошли на пользу.

Самир стиснув зубы добавил:

— Ещё посмотрим, что у тебя по-настоящему внутри.

И тут… из тени, где он стоял всё это время молча, без вмешательства. Ризван неожиданно сделал шаг вперёд.

В его голосе не было мягкости. Только сталь, как у лезвия:

— Внутри больше, чем вы вдвоём сможете вынести.

Оба брата резко посмотрели на него.

Кармен медленно обернулась.

И впервые, за всё время в доме… в её взгляде вспыхнуло что-то похожее на благодарность.

На миг.

На вдох.

Потом погас. Также резко. Внезапно, как молния.

И она проговорила, вскинув гордо подбородком:

— Я сама справилась.

— Я видел, — улыбнулся ей в ответ Ризван.

Он смотрел ей прямо в глаза. Совсем, как и прежде, с той искоркой восхищения и любви, словно впервые за два года вновь начал дышать.

Глава 13

После того, как она усмирила Карабаха, он должен был развернуться и уйти.

Так было правильно.

Так было безопасно.

Так было… по плану.

Но он стоял.

Стоял, будто его прибили к камню.

И смотрел, как она сидит на темном, бешеном жеребце так, будто этот конь, продолжение её дыхания.

Карабах.

Зверь, который сбрасывал мужиков крепче Самира. Которого даже Байса, старый волк с руками, шитым из шрамов, боялся брать без двух помощников.

И она.

Хрупкая.

Городская.

Испанская танцовщица.

Не из их земли.

Не из их крови.

Подчинила его одним взглядом.

Он чувствовал, как что-то в груди рвётся, скребёт, как когти по камню.

Не гордость.

Не удивление.

Гнев.

Гнев на неё.

Гнев на себя.

Гнев на те два года, в которых он учился быть льдом, а она за одну минуту превратила его обратно в человека.

Он увидел момент, когда конь дёрнулся резко.

Слишком резко.

Слишком направленно.

Он видел руку.

Легкое движение.

Толчок.

Но не крикнул.

Не бросился.

Он дал ей справиться.

Потому что знал, если она не удержится сейчас, её уничтожат позже. А он не имеет права быть щитом.

Щит, это шаг назад от мести.

А он пришёл сюда не для того, чтобы спасать.

Но когда она удержалась…

Когда этот зверь остановился под ней так резко, что земля задрожала…

Ризван почувствовал, как что-то внутри сломалось.

Не оборвалось…

Не исчезло.

Нет.

Сломалось… значит, перестало быть ровным.

Прямая линия мести дала трещину.

Она повернулась.

Медленно.

С тем сухим, высокомерным достоинством, которое всегда сводило его с ума. И на миг, всего на один короткий вдох, он увидел в её глазах благодарность.

Не мягкую.

Не женскую.

Нет.

Жёсткую благодарность, ту, что женщины отдают только тем, кого признают сильнее себя.

Сердце ударило так, что ребра зазвенели.

А потом… она погасла.

Закрылась.

Снова стала камнем.

— Я сама справилась, — сказала она.

Он хотел усмехнуться.

Хотел сказать, что видел каждую секунду, каждый миллиметр, как она боролась за это чёртово седло.

Но вместо этого он сделал шаг.

Близко.

Слишком близко.

Он понял это только тогда, когда увидел, как расширились её зрачки.

— Я видел, — сказал он.

Голос сорвался, стал ниже.

Хриплый.

Грязно-честный.

Как будто говорил не он, а тот зверь, которого он держал на цепи последние два года. И в ту секунду он понял главное. Как понял это с самого начала…

Он не сможет разрушить этот дом, не разрушив себя самого. Потому что она, та частичка его жизни, что еще тлела в груди.

Не сможет отомстить Рашиду, не коснувшись её крови.

Не сможет пройти свой путь до конца, если её шаги будут рядом.

Она стала его слабостью.

А слабость в горах, не просто опасность.

Это смерть!

«Нельзя, — сказал он себе, — Остановись».

Но она сидела перед ним, ещё на горячем коне, дышала часто, глаза горели, и он услышал собственную мысль, от которой похолодела спина:

«Поздно!»

Он развернулся, резко. Так, словно, останься хоть ещё на секунду, то его клятва разорвёт на части… его веру, его душу…

Но когда даже уходил, подсознание зарождало в нем семя противоречий.

Это не просто девочка, не просто враг, не просто кровь врага.

Она — трещина.

Прямо в сердце его мести.

Та, что однажды решит всё.

Если он не убьёт это чувство, то оно убьёт его план.

И, может быть… кого-то ещё.

И в этот раз, он испугался.

Настоящим, взрослым, мужским страхом.

Страхом за неё. И за себя…

***

Он вышел из конюшни так быстро, будто за ним гналась вся гора. Воздух резал лёгкие. Кровь стучала в висках.

Кармен!

Проклятье!!!

Он не помнил, как подошёл к машине. Как дёрнул дверцу так, что металл жалобно хрустнул. Сел, сжал руль так сильно, что побелели пальцы. Телефон сам оказался в руках. Он набрал Булата.

— Что у вас там? — спросил он резко, — Сколько вы ещё будете копошиться? У нас уже достаточно компромата, чтобы разнести компанию Рашида в клочья.

Булат хмыкнул.

— Ты сегодня рвёшь и мечешь. Взведён так, как граната без чеки. Успокойся, брат. Всё под контролем.

— Мне нужно ускориться, — прорычал Ризван в трубку.

— Тебе нужно остыть! Или может разрядиться?! — резко перебил Булат, — Или ты сейчас наломаешь дров. Слышь… ты где?

— Неважно.

— Я пришлю девочку, — сказал Булат. — Иначе ты взорвёшься раньше времени.

Он хотел сказать «нет».

Хотел выматериться.

Хотел признать, что от одной женщины его трясёт сильнее, чем от выстрела в упор.

Но вместо этого прохрипел:

— Еду в клуб, на точку. Жду тебя там.

Он остановил машину в тёмном углу заброшенной парковки. Свет от единственного фонаря мерцал, как старые шрамы.

Булат уже был здесь.

Дверь его машины скользнула в сторону. И в салон Ризвана села девушка, ухоженная, сладко пахнущая ванилью, с улыбкой, проверенной на сотнях мужчин.

— Привет, красавчик, — пропела она, кладя руку на его бедро.

Его передёрнуло.

Не из-за неё.

Из-за себя.

Он отстранил её руку, и она засмеялась.

— Ой, не начинай, все вы сначала такие…

Ризван поднял на неё взгляд. Медленный. Ледяной. Опасный.

Девушка осеклась.

— Выйди! — сказал раздраженно, и тихо. Слишком тихо.

Она вздрогнула.

— Ты чё…

— Я сказал, выйди! — процедил Ризван сквозь зубы.

Она выскользнула из машины так быстро, будто сиденье воспламенилось под ней.

Дверь Булата хлопнула, и он подошёл к Ризвану.

— Всё настолько плохо? — спросил он.

Ризван даже не посмотрел. Челюсть сжалась. Жилка на щеке била, как метроном ярости.

Раньше одной минуты с любой бабой хватало, чтобы выжечь из головы всю дрянь. Но сейчас?

Сейчас это только злило. Только делало хуже.

Он вышел из машины резким движением.

— Пошли, — рявкнул он Булату.

— Куда?

— В клуб. А зачем мы приехали, думаешь? Мне не нужна разрядка таким способом!

Булат лишь кивнул. Он понял всё. Потому что такие мужчины, как Ризван, приходят в спортзал не тренироваться.

Они приходят убивать в себе то, что нельзя убить иначе.

***

Их спортзал стоял в промышленной зоне, большое бетонное здание.

Снаружи здание выглядело как заброшенный автосервис, облупившиеся ворота, потускневшая вывеска, пустой двор. Но стоило пройти за металлическую дверь, как мир менялся. Это был, бывший подпольный клуб. Место, которое знали только «свои». Там пахло кожей, кровью и железом. По стенам висели старые груши, а в центре был ринг, на котором Ризван когда-то дрался за деньги. Здесь он вырос. Здесь же он собирал людей, когда нужно было говорить о делах, о которых не говорят вслух.

И это то место, как и положено, где мужчины сбрасывают то, о чём не говорят.

Ризван вошёл, не снимая куртки. Скинул её на стул. Подошёл к груше и ударил.

Раз.

Другой.

Третий.

Быстро.

Слишком быстро.

Слишком сильно.

Груша качнулась так, будто кто-то попытался выбить из неё душу.

Булат подошёл с бинтами.

— Ты кожу срежешь, если так продолжишь.

— Мне надо выбить из себя это, — прорычал Ризван.

Булат только махнул головой:

— На ринг.

И они вышли на ринг.

Булат стянул одежду, натянул перчатки.

— Давай, босс. Избей меня, если сможешь. Только не сдохни от злости.

Первый раунд был тихим.

Второй — бешеным.

На третьем Ризван забыл, где он.

Он бил так, будто под кожей сидело пламя.

Булат принял удар в бок, отступил.

— Это из-за девки? — спросил он, выплёвывая кровь, — Не так ли?

Ризван не ответил, только ударил снова.

— Или из-за того, что ты боишься, что она тебе «понравилась»?

Ризван врезал ему в челюсть так, что тот отлетел к канату. И Булат захохотал.

— Ага. Попал.

— Заткнись, — выдохнул Ризван.

— Тебе нужно не меня бить… а того, кто убил Амину.

Это имя ударило сильнее любого кулака. На секунду мир замедлился.

И в эту секунду… в зал вошёл Иса.

Он стоял в дверях, держа папку. Тяжёлую, как грех.

— Ризван, поговорить надо.

Булат подтянулся на канате, вытирая рот.

— Всё, тренировка закончена. Пришёл твой архивный демон.

Иса тихо подошёл. Остановился перед рингом, подняв голову на Ризвана.

— Я нашёл кое-что, — сказал он, — Не без помощи твоих братков, конечно.

Лёгкая тень скользнула по лицу Ризвана. Он не любил, когда ему напоминали о былых временах.

Но и не опроверг.

Ризван спрыгнул с ринга, удар подошвой о пол разнёсся глухо.

— Что?

Иса раскрыл папку.

— Муса не просто исчез. За сутки до его пропажи он трижды встречался с человеком, который официально числится, как помощник юриста компании Рашида.

Ризван нахмурился.

— Юрист? Это однозначно ведёт к Рашиду?

Иса покачал головой.

— Нет. И вот что странно… Этот помощник — близкий друг Руслана.

Иса умолк. Пауза вышла короткой, но точно выверенной, как удар, который ещё не нанесли. Затем продолжил:

— Очень близкий. Они несколько лет назад вместе попадали в неприятности. Руслан его отмазал. Тот теперь ему должен по гроб жизни.

Ризван замер.

Булат перестал дышать.

А Иса продолжал:

— Последний звонок Мусы… был именно ему. За час до того, как Муса исчез. И это не совпадение.

В груди Ризвана что-то дёрнулось. Мысль вспыхнула сама собой, если даже сын Рашида мелькает рядом со следами, значит, тот замешан куда глубже, чем казалось.

Слишком много совпадений. Слишком много теней вокруг одной семьи.

Он презрительно выдохнул.

Он хотел ненавидеть Рашида.

Он должен был ненавидеть его. Потому что все дорожки вели к нему. И к тому, что он скрывает.

Иса закрыл папку. Посмотрел на Ризвана так, будто резал по живому:

— И ещё. Я повторю то, что ты сам однажды говорил, когда думал головой, а не головкой. Хладнокровно и рассудительно. Если хочешь ударить по Рашиду наверняка…

И снова пауза.

Оглушающая, и мерзко ядовитая.

— Тебе нужно срочно жениться на его дочери. Пока свежа его вина перед ней. Пока он еще слаб. Лишь так, ты сможешь вывести его на чистую воду.

Тишина упала, как выстрел в грудь. Ризван дернулся, будто его ударили.

Булат выругался. А Иса добил:

— Это единственный удар, который он не переживёт.

И только Ризван знал, что этот удар разрушит не Рашида.

Его самого.

Глава 14

Кармен вернулась в дом не сразу. Ей нужно было выдохнуть. Снять с кожи запах лошади, адреналина, напряжения, которое ещё дрожало в пальцах. Внутри всё ещё билось эхо конюшни. Копыта, рывок, взгляд братьев, и… голос Ризвана, прорезавший воздух, как сталь.

Хадижат ждала её у бокового входа.

Как будто знала, что сейчас Кармен нельзя оставлять одну.

— Пойдём, дочь, — сказала она тихо, — Женщинам уже не терпится тебя увидеть.

Кармен чуть улыбнулась. Усталой, но искренней улыбкой. Она понимала, что испытания не закончились. Они просто сменили форму.

Женская половина дома была другой.

Здесь не было тяжёлых шагов, оружейного молчания, взглядов «на выживание».

Но воздух…

Воздух был не менее плотным.

Запах чая с чабрецом. Тёплый хлеб. Тихие голоса, которые обрывались, стоило ей появиться. Женщины сидели вдоль стены, на низких диванах, словно нитью связанной тишиной. И среди них, выделялись две, которые поднялись сразу. Хадижат представила ей обеих.

Айша, жена Самира. Высокая, строгая, в тёмном платье без лишних деталей. Лицо спокойное. Красивое. Той красотой, что не ищет внимания. Только, глаза холодные, внимательные.

Такие женщины не повышают голос. Они просто решают.

Зарина, жена Руслана, куда ярче. Живее. Цветное платье, лёгкая улыбка, украшения, которые звенят едва заметно.

Она подошла ближе первой.

— Так вот какая ты, — сказала Зарина с мягкой теплотой. — Вся гора сегодня только о тебе и говорит.

В её голосе не было прямой злобы. Но Кармен услышала под текстом другое:

«Мы тебя видим. Мы тебя считываем.»

— Рада познакомиться, — ответила Кармен спокойно. — Я не ожидала такого… внимания.

Айша смотрела молча. Потом кивнула, едва заметно.

— Ты смелая, — сказала она ровно, — Карабах не прощает ошибок.

— Я не делала ошибок, — ответила Кармен так же ровно.

Это было не дерзко.

Это было честно.

На секунду между женщинами повисла тишина. Та самая, где решают — враг ты или нет.

Зарина рассмеялась, мягко, почти весело:

— Значит, ты не из тех, кто плачет в подушку.

Кармен посмотрела на неё внимательно.

— Плакать можно. Но не тогда, когда на тебя смотрят.

Зарина моргнула. Айша отвела высокомерно взгляд, впервые.

Хадижат поставила перед Кармен чай.

— Сядь, дочь. Ты сегодня заслужила тепло.

Кармен села. И вдруг почувствовала, как усталость накрывает её волной. Не слабость, а какое-то опустошение.

Женщины заговорили тише.

Уже не о ней.

Но для неё.

И в этом было первое, осторожное принятие.

***

Ближе к вечеру, Рашид позвал её в кабинет.

Не громко. Через Хадижат. Так зовут тех, кого берегут от резких слов.

Его кабинет был залит мягким светом. Не тем холодным утренним, другим. Домашним.

Он сидел у окна. Спина прямая. Лишь руки устало лежали на коленях.

— Подойди ко мне, дочь, — сказал он.

Кармен подошла. Остановилась не близко. На не большом расстоянии.

С уважением.

— Мне сказали про конюшню, — голос отца звучал надломлено.

Она напряглась.

— Я не хотела… — начала она.

Он поднял ладонь.

— Ты ничего не нарушила. Ты показала, кто ты есть.

Он посмотрел на неё долго, пристально. Так смотрят на ребёнка, которого не видели всю жизнь, и вдруг увидели взрослым.

Взгляд был не изучающий. В нем горела искорка одобрения.

— Я горжусь тобой, Карина.

Слово «горжусь» ударило сильнее всего. Кармен опустила глаза.

— Я не за этим приехала, — сказала она тихо. — И не ради наследства. Я даже… не понимаю, зачем всё это.

Он нахмурился.

— Я знаю.

Она глубоко вдохнула.

— Я приехала, потому что ты болен. Потому что я не хотела, чтобы ты ушёл… так и не узнав, что я не держу зла. Я не искала денег. Не искала статуса. Мне нужен был отец. Хотя бы сейчас.

Слова дались ей с трудом. Голос дрогнул. Совсем чуть-чуть.

— Всё остальное… — она подняла глаза. — Мне неловко. Как будто я пришла не вовремя.

Рашид встал. Подошёл. Медленно.

Остановился напротив.

— Ты пришла в самое время, — сказал он глухо. — Это я опоздал. Это моя вина.

Он положил руку ей на плечо.

По-отечески. По-настоящему.

— Всё, что я делаю сейчас — не из жалости. Это долг. И любовь, которую я не умел показывать.

Кармен кивнула.

Сдержанно.

По-взрослому.

— Я постараюсь не быть обузой, — сказала она.

Он улыбнулся ей, впервые, по-настоящему.

— Ты уже стала испытанием. А значит — родной.

Она улыбнулась. Щёки вспыхнули от смущения. Странное тепло разливалось по телу от его слов.

Отец старался проявлять заботу, как умел. Женщины судачили за спиной, что горы приняли её. А испытания для Кармен не закончились на этом.

И она это знала.

Потому как, главным её испытанием, было само присутствие Ризвана. Который продолжал вести себя рядом с ней хладнокровно и почтительно вежливо.

Глава 15

Утро следующего дня в доме было иным. Не напряжённым, а таинственно собранным. Как перед выходом в свет, где каждая улыбка, словно оружие, а каждый взгляд — прицел.

Кармен это почувствовала сразу. Не кожей… глубже.

Дом не шумел. Не суетился. Он словно ждал.

Хадижат с самого утра была рядом. Спокойная, внимательная. Она знала, что сегодня дочери главы рода предстоит не просто ужин, а первый выход в мир, где её будут измерять не по словам, а по силе.

Достойна-ли она такой чести?!

— Сегодня много глаз, — сказала Хадижат негромко, помогая Кармен застегнуть серьги, — Но ты не бойся. Пусть смотрят.

Кармен кивнула. Страха не было. Было другое, что-то неотвратимое, как холодная ясность.

Она не выбирала это место. Не выбирала эту фамилию. Но если уж судьба вывела её сюда, значит она не станет прятаться.

Когда всё было готово, Хадижат отступила на шаг. Посмотрела оценивающе. Долго.

— Пора, — сказала она наконец.

Кармен сделала вдох. Не глубокий, ровный. И шагнула туда, где заканчивался дом и начинался мир.

***

Ризван увидел её первым. В тот самый миг, когда она переступила границу дома.

Он стоял у машины, говорил с Булатом по телефону, когда движение на лестнице заставило его замолчать на полуслове.

Кармен вышла из дома не спеша. Не оглядываясь. Время словно замедлилось и потонуло в потоке хаоса. Она шла медленно.

Слишком уверенно.

Слишком красиво.

В груди у него что-то болезненно дёрнулось.

Сердце сбилось. Не ускорилось, а именно споткнулось.

Он не мог оторвать взгляд от неё.

Чёрное платье подчёркивало каждую линию. Волосы собраны так, что открывали шею… тонкую, уязвимую, слишком живую. Спина прямая, как вызов. В ней не было ни капли просьбы. Только присутствие.

Она была не просто красивой.

Она была… опасно красивой… что у Ризвана на секунду остановилось дыхание.

Сердце ударило неровно.

Злость вспыхнула моментально, на себя.

«Не смотри. Не сейчас. Не так.»

Но он уже смотрел.

Кармен почувствовала взгляд раньше, чем увидела его. Повернула голову, спокойно, будто ждала этого. Их взгляды сцепились.

Он закончил разговор, не помня, как, и сделал шаг вперёд, резче, чем собирался.

— Ты сегодня… — он замолчал, потому что голос сел, — Не стоило.

Кармен остановилась. Повернулась к нему не сразу, сначала выдержала паузу, будто решала, подпускать ли его к себе хотя бы взглядом.

— Чего именно? — её голос был ровным. Слишком ровным.

Ризван оказался ближе, чем позволял себе.

Слишком близко.

Он чувствовал тепло от её кожи. Её аромат, не парфюм, а она сама. Это било под дых.

— Быть такой, — сказал он глухо, — Здесь.

— Такой — это какой? — её губы дрогнули, но не в улыбке.

— Настоящей, — выдохнул он, — Ты даже не понимаешь, что делаешь.

— Я понимаю больше, чем ты думаешь, — она подняла подбородок, — И это не твоё решение, Ризван.

Он сжал пальцы, будто удерживал себя от движения.

— Это опасно, — в его голосе проскользнуло то, что он не желал показывать, тревогу и беспокойство за неё, — Здесь не ценят красоту. Здесь за каждым поворотом можно получить внезапный удар, которого не ожидаешь.

— Внезапность и удары, это по твоей части, не так ли, Риз? — неожиданно резка для себя ответила она и слишком пристально посмотрела на него, — Всё здесь опасно. Я просто не притворяюсь.

Между ними повисло напряжение — густое, как перед грозой.

Он хотел сказать «не выходи».

Хотел сказать «я рядом».

Хотел сказать слишком многое.

Предупредить.

Запретить.

Приказать.

Но не имел на это права.

Кармен сделала шаг мимо него. Когда проходила рядом, её плечо почти коснулось его груди.

Почти.

Этого хватило, чтобы по телу у него прошёл жёсткий ток.

— Не смотри так, — сказала она тихо, не останавливаясь, — Ты не имеешь права.

Кармен подошла к машине. Тимур уже открыл ей дверь. Рядом стоял Керим, молчаливый, собранный, взгляд цепкий.

Она села на заднее сиденье, не оглянувшись. Сердце бешено колотилось в груди желая вырваться и сорваться к нему. Только она сделала глубокий вдох и прикрыла веки.

Ризван остался стоять, сжимая кулаки так, что побелели костяшки.

Когда его машина тронулась следом, он осознал одну простую и страшную вещь, что не может позволить себе перейти черту. Даже, если это разрушает его… и данный обет.

***

Банкетный зал вспыхнул светом, когда Кармен вошла.

Хрусталь ловил свет, бархат поглощал шёпоты, оркестр настраивался тихо, как хищник перед прыжком.

Это был не особняк.

Это было место, где собираются те, кто привык властвовать. Дорогой ресторан, стекло, мрамор, приглушённый свет, музыка, в которой нет эмоций, только статус.

Разговоры стихли не сразу.

Сначала — пауза.

Потом — шёпот.

Ризван стоял у колонны, когда двери распахнулись.

И мир… остановился.

Кармен вошла медленно.

Не потому, что хотела эффекта, потому что иначе не умела дышать. Он ощутил это сердцем, даже не взглядом, как взволнованно вздымается её грудь. И всё же, спина прямая, гордая. Никакой показной роскоши. Только тело, которое знает себе цену. Волосы собраны, шея открыта, шаг уверенный.

Не женщина, пришедшая понравиться.

Женщина, которую невозможно не заметить… и невозможно забыть.

Ризван почувствовал это телом.

Не мыслью, а кожей.

В груди снова что-то дёрнулось, резко, почти больно. Так реагирует тело, когда разум ещё не успел защититься. Так бывает, когда старую рану внезапно трогают… не пальцами, а взглядом.

Он смотрел, как она идёт к отцу.

Как держит осанку.

Как не ищет поддержки.

Как будто выходит не в зал, а на край пропасти, и не боится.

Рашид поднялся, когда она подошла.

Гул стих.

— Дамы и господа, — сказал он, и в голосе была сталь, — позвольте представить вам мою дочь. Карина Мехмедова.

Имя разрезало воздух. Тишина мгновенно стала гробовой и Рашид добавил:

— Наследницу. И часть моего дома.

Пауза была тяжёлой. Слишком много взглядов. Слишком много мыслей.

Кармен стояла спокойно, уверенно рядом с отцом.

А Рашид держался прямо.

Гордо.

И только Ризван видел, как пальцы у неё слегка напряжены. Совсем чуть-чуть.

Оркестр заиграл медленно.

Мягко.

Рашид протянул руку.

— Позволь, — сказал он тихо.

Кармен замерла на мгновение. Потом кивнула.

Они вышли в центр зала.

Танец был не о близости.

Танец был о признании, запоздалом и потому особенно болезненном.

Отец держал её бережно. Не как женщину, а как утраченную часть жизни.

— Ты сильная, — сказал Рашид негромко, — Ты справишься.

Она не ответила. Только чуть сжала пальцы.

Этого было достаточно.

И тогда Ризван сделал шаг.

Медленно.

Спокойно.

Он подошёл, остановился перед Рашидом и склонил голову. Не низко, с достоинством.

— Разрешите, — сказал он, — Я продолжу.

Тишина ударила по ушам.

Рашид посмотрел на него долго.

Очень долго. А потом, кивнул.

Ризван протянул руку Кармен. И когда её пальцы легли в его ладонь, мир дрогнул. Зал напрягся.

Сначала это был всё тот же медленный танец.

Социальный. Правильный.

Но музыка… вдруг изменилась. Словно предала приличия.

Где-то в глубине оркестра появился ритм.

Глухой. Глубокий.

Танго…

Ризван вдохнул.

Кармен тоже.

И всё, что было между ними недосказано, взорвалось телом.

Он притянул её ближе. Не грубо… неизбежно, как притягивает то, от чего нельзя уйти.

Её бедро коснулось его.

Дыхание сбилось.

Кармен закрыла глаза.

Её тело вспомнило.

Шаг.

Поворот.

Рывок.

Она двигалась не для зала.

Для него.

Для себя.

Ризван вёл, но не подавлял. Он позволял.

И это было страшнее.

Их движения стали резкими.

Плотными.

Опасными, как правда, которую больше не скрывают.

Гости исчезли. Осталась только музыка, дыхание и боль, которую невозможно спрятать.

Когда танец оборвался, в зале повисла тишина.

Тяжёлая. Оглушённая. И тогда раздался голос.

— Какая экспрессия, — произнесла одна из женщин.

Это была жена Самира. Улыбка сладкая, а взгляд колкий.

— Раз ты так прекрасно танцуешь… — продолжила другая, Зарина, жена Руслана, — может, станцуешь ещё? — она выдержала театральную паузу, как змея извергая яд, — Для гостей. Ты же… профессионал.

Слово профессионал, прозвучало остро, словно полоснуло ножом.

Кармен побледнела. Не от стыда. От колкого удара языком.

Внутри что-то треснуло.

Она уже открыла рот, чтобы ответить, но Ризван сделал шаг вперёд.

Медленно.

— Танец, — сказал он спокойно, — не подачка для зала. И уж точно не повод трогать то, что вам не принадлежит.

Он посмотрел прямо на женщин.

— И не повод для унижения.

Рашид тоже поднялся.

— Моя дочь не развлекает гостей, — сказал он жёстко, — Она такая же гостья. И член семьи.

Тишина снова упала. Но теперь, окончательная.

Кармен стояла между ними. Сердце билось бешено. Глаза горели. И в этот миг она поняла:

Этот вечер изменил всё.

Дом.
Род.
Её судьбу.
И Ризван, глядя на неё, понял то же самое.
Война началась.

Глава 16

Тишина, повисшая после слов Рашида, была недолгой.

Светский раут не позволял себе застывать, слишком много глаз, слишком много влияния, слишком много денег и договорённостей витало в воздухе. Музыка вернулась осторожно, словно прощупывая воздух. Негромко. Достойно. Разговоры осторожно вернулись, словно гости проверяли почву под ногами.

Но ничего уже не было прежним.

Кармен стояла рядом с отцом. И теперь к ней подходили.

Не из любопытства, из расчёта.

Мужчины в дорогих костюмах, с тяжёлыми часами и уверенными рукопожатиями. Женщины с выверенными улыбками и взглядом, в котором читалось: «Запомнить. Учесть. Принять».

— Большая честь познакомиться, — говорил один.

— Рашид-бек много о вас рассказывал, — врал другой.

— Вы очень… достойно держитесь, — произносили те, кто ещё минуту назад сомневался, имеет ли она право здесь стоять.

Кармен отвечала ровно. Вежливо. Без лишнего тепла. Она чувствовала, что это не признание, это принятие факта. Она здесь и никуда не денется. С ней придётся считаться.

Рашид наблюдал за ней с тихой, скрытой гордостью.

Но не все смотрели так.

Руслан стоял чуть поодаль, с бокалом в руке. Его улыбка была слишком спокойной. Самир был рядом, молчаливый, внимательный, как человек, который не спешит бить, но всегда бьёт точно.

— Рано радуются, — бросил Руслан негромко.

— Вечер длинный, — тихо отозвался Самир.

И словно по заказу, ведущий объявил:

— В честь нашего уважаемого гостя…

Музыка резко сменилась.

Барабан.

Резкий хлопок.

Танцоры вышли в центр зала. Сильные, выверенные, красивые. Мужчины в чёрном. Женщины в алом. Лезгинка ударила резко, живо, с тем древним ритмом, от которого кровь у горцев начинает звучать громче.

Зал оживился. Это было своё. Традиционное. Понятное. Мужское.

Руслан усмехнулся, и сделал шаг вперёд.

Он не ждал приглашения.

Снял пиджак. Передал бокал. Вышел в центр зала, присоединяясь к танцорам.

Музыка ударила сильнее.

Руслан танцевал, как мужчина, привыкший, что ему уступают.

Широкие шаги.

Резкие развороты.

Подпрыгивания, будто он отрывался от земли.

Каждое движение кричало:

«Я здесь хозяин».

«Смотрите».

«Запомните».

Женщины ахнули. Мужчины одобрительно засвистели поддерживая громкими хлопками.

Руслан закончил эффектным прыжком, замер, широко расставив плечи, и повернулся к залу.

А потом, к Ризвану.

— Вот это танец, — произнёс он громко. — Танец гор. Танец силы.

Он перевёл взгляд на Кармен и усмехнулся:

— Не обижайся, сестра. Танго красиво. Но это… — он развёл руки, — наше. Ты ведь теперь часть рода. Или нет?

Тишина ударила резко.

Это был не вопрос.

Это был вызов.

Не прямое оскорбление, а вызов, замаскированный под традицию.

Кармен напряглась.

Ризван шагнул вперёд.

Медленно.

Спокойно.

Он снял пиджак и положил его на спинку стула.

И в этот момент зал понял, что сейчас будет не номер. Сейчас будет ответ.

Музыка ударила снова.

Ризван вошёл в ритм так, будто этот танец жил в его костях с детства, так как был пропитан молоком матери.

Резко.

Хищно.

Без лишних движений.

Его лезгинка была другой.

Не показной.

Не кричащей.

Каждый шаг — точный.

Каждый прыжок — сдержанный.

Каждое движение — угроза, спрятанная под контролем.

Резкие прыжки, удары пяткой, контроль пространства. Он не танцевал — он заявлял право. Каждый его шаг говорил без слов: «Здесь моё. Не трогать.»

Зал замер.

Ризван не смотрел на Руслана. Он вычеркивал его. И только когда музыка сменила акцент, Ризван протянул руку в сторону. Не глядя. Кармен поняла.

Сердце ударило сильнее.

Она шагнула. И вошла в танец. Не как женщина, которую вызвали. Как женщина, которая выбрала. Её движения были плавнее, но не слабее. Гибкость против силы. Точность против напора.

Кармен вошла в круг.

Не к Руслану.

К Ризвану.

Музыка изменилась. Ритм стал плотнее.

Она двигалась иначе. Нежно. Точно. Сдерживая огонь внутри. Её тело не спорило с его силой, оно дополняло. Она не подстраивалась под него, она держала линию.

Их танец стал разговором тел.

Спором.

Признанием.

Он — вокруг неё.

Она — в центре.

Он — огонь.

Она — клинок.

Зал вновь исчез. Они не смотрели на гостей. Только друг на друга. Когда музыка оборвалась, аплодисменты накрыли их волной. Настоящие. Громкие. Без сомнений.

Руслан опустил взгляд первым. Самир сжал челюсть.

Кармен перевела дыхание и поняла, это был не танец. Это была заявка. Ризван подсознательно ощущал то же самое. Она стояла рядом с ним. Сердце продолжало колотить в груди от волнения. В глазах отражался блеск победы и гордость отца. В этот самый миг пришло осознание, что она больше не одна.

Ризван посмотрел на неё, и впервые за вечер позволил себе улыбку. Короткую. Только для неё.

Вечер продолжался.

И опасность… тоже.

Глава 17

Музыка ещё гремела в зале, аплодисменты накрывали пространство, но Кармен уже не слышала их.

Слишком много воздуха.

Слишком много взглядов.

Слишком много ЕГО.

Она вышла почти бегом, не оглядываясь, будто спасалась. Каблуки стучали по мрамору глухо, сбиваясь с ритма, впервые за весь вечер. А за кулисами был узкий коридор света и тени, где запах духов смешивался с пылью танцпола в центре зала и горячим металлом прожекторов. Здесь не было гостей. Только тишина, напряжённая, как натянутая жила.

Она продолжала идти. Слишком быстро. Не осознавая куда, только бы подальше от него. Но не успела сделать и трёх шагов, как рука сомкнулась на её запястье — горячо, резко, так, что по коже прошла дрожь, не имеющая ничего общего со страхом.

— Отпусти, — прошипела она, понимая кто это, даже не обернувшись.

Ризван развернул её к себе одним движением. Без грубости. Без нежности. Так, как разворачивают того, кто должен смотреть в глаза.

— Ты с ума сошла? — голос его был низкий, сдавленный, — Что ты творишь? Ты понимаешь, куда ты вышла и как на тебя смотрят?

Он тяжело дышал, словно пытался подавить гнев.

— Ты думаешь, такие взгляды заканчиваются аплодисментами?

Кармен вырвала руку.

— Это ты мне скажи, — с яростью процедила она, — Ты зачем вышел туда? Зачем полез между мной и ними?

Он сделал шаг ближе.

Слишком близко.

— Потому что они перешли границу.

— Нет, — резко ответила она, — Не делай вид, что тебе не нравится.

Его взгляд скользнул по её лицу, губам, ключицам… не жадно, а больно сосредоточенно, будто он удерживал себя силой.

— Мне не нравится, — глухо ответил он, — что они смотрят на тебя так.

— А мне не нравится, — она шагнула ближе, почти вплотную, — что ты каждый раз оказываешься рядом, когда мне хуже всего.

Между ними осталось расстояние в одно дыхание.

Он не касался. Но её кожа знала, стоит ему поднять руку, и она не выдержит.

— Ты была великолепна, — сказал он тихо, — И в этом проклятие.

— Для кого? — усмехнулась она, — Для тебя?

Его челюсть дёрнулась.

— Для меня — всегда!

Это признание прозвучало почти случайно. И от этого, было страшнее. Кармен сглотнула. В груди стало тесно.

— Ты не имеешь права, — прошептала она, — Ни защищать меня... ни смотреть так.

— Имею, — он наклонился ближе, его голос стал ниже, — Потому что, если бы я не вмешался… ты бы сломалась.

— Нет, — она резко подняла подбородок, — Я бы выстояла. Как всегда.

— Я знаю, — выдохнул он, — Вот это и пугает.

Его ладонь на секунду зависла у её запястья.

Не коснулась.

Но этого хватило, чтобы у неё перехватило дыхание.

— Если ты сейчас же не отойдёшь… — начала она.

— Что? — его голос прозвучал совсем тихо.

Она закрыла глаза.

«Я не смогу остановиться», — звучал внутри неё голос.

Мгновение.

Опасное.

Тонкое, как лёд под ногами.

Кармен махнула головой, словно отгоняя наваждение.

Он стиснул челюсть, и она услышала, как заскрежетали зубы от злости.

— Ты не понимаешь, — выдохнул он.

— О, нет, — она подняла подбородок, — Я понимаю слишком хорошо. Ты всегда появляешься, когда мне больно. И исчезаешь, когда я начинаю дышать.

Она развернулась, собираясь уйти. Ризван резко шагнул вперёд и прижал её к стене ладонью рядом с её головой.

Не касаясь. Но так, что выхода не осталось. Камень был холодным. Его тело — слишком горячим. Она чувствовала его дыхание на своей щеке. Слишком близко. Опасно близко.

— Ты думаешь, мне легко смотреть на тебя такой? — прошептал он, — Думаешь, я не помню, как ты дрожала в моих руках? Как дышала? Как… чёрт!

Он ударил ладонью в стену.

Кармен вздрогнула.

— Тогда зачем ты здесь? — тихо спросила она, — Зачем смотришь на меня так, будто между нами не было этих двух лет… разлуки?

Он наклонился ближе. Их лбы почти коснулись.

— Потому что ты была моей, — сказал он глухо, — И это не стирается.

— Ты сам стёр, — её голос дрогнул, внезапно, — Ты ушёл. Без слов. Без объяснений. Ты сломал меня, Ризван.

Он закрыл глаза на секунду. Всего на секунду.

— Я спасал тебя.

— Нет! — бросила она резко, — Ты спасал себя. Только не понятно отчего…

Тишина между ними стала густой. Он медленно убрал руку от стены. Сделал шаг назад. Резко. С усилием.

— Тогда уходи, — сказал он хрипло, — Сейчас. Пока мы оба не наломали дров.

Она отвела взгляд, делая глубокий вдох. Затем посмотрела на него. Долго, внимательно, как смотрят на рану, которая всё ещё болит.

— Я и так ухожу.

Она попыталась шагнуть мимо него, но он не отступил.

— Кармен…

Она остановилась. Не обернулась. Не посмотрела ему в глаза. Лишь тихо прошептала:

— Сегодня ты видел меня такой, какой больше не увидишь… — она сделала паузу, — потому что я больше не танцую для тебя, Риз.

И ушла.

Ризван остался стоять в полутени. С кулаками, сжатыми до боли. С грудью, которая не слушалась дыхания. Сейчас он чувствовал, что теряет её окончательно.

И это пугало сильнее любой мести.

***

Отдышавшись, и чуть придя в себя, Кармен нашла отца у колонны, в стороне от шума. Он говорил с кем-то из гостей, но, увидев её лицо, сразу замолчал.

— Дочь, — тихо произнёс он подойдя ближе.

Кармен сжала пальцы, прежде чем ответить.

— Я устала, — сказала она честно, — Мне нужно уехать.

Он смотрел на неё внимательно. Не как хозяин вечера. Как отец.

— Это был тяжёлый вечер, — сказал он, — Ты выдержала больше, чем многие мужчины.

Она выдохнула, и в этом выдохе было всё: напряжение, боль, гордость.

— Я не хочу портить праздник, — добавила Кармен.

— Ты его не портишь, — Рашид положил руку ей на плечо, — Ты уже сделала главное, показала, кто ты есть.

Затем, найдя взглядом охрану, кивнул им.

— Отвезите Карину домой. Осторожно.

Кармен наклонилась и легко коснулась его щеки. Жест тихий, почти интимный, дочерний.

— Спасибо, — прошептала она.

Ризван видел, как она идёт к выходу. Видел, и не подошёл. Но когда она села в машину, он уже шёл к своей.

Не спрашивая.

Не объясняя.

Просто потому, что отпустить — не мог. Они не договорили. Они вообще не могли поговорить нормально…

И он не мог просто взять и открыться ей…

Голова раскалывалась, как и сердце рвалось на части. Он жестко выругался и сжал кулаки. У машины стоял Булат. Кинул ему ключи от машины, и лишь выдавил:

— Садись за руль. Поедешь следом.

Булат махнул головой в знак согласия и не перечил. А Ризван развернувшись, уже направлялся в сторону автомобиля Кармен.

Глава 18

Он догнал её у самого выезда.

Кармен уже открывала дверь, когда тень легла на асфальт. Плотная. Резкая. Она даже не обернулась. Узнала по ощущению, как узнают бурю за секунду до удара.

Тимур уже тянулся открыть дверь водителя, когда Ризван оказался рядом. Одно движение, и ладонь легла ему на плечо.

Не толкнул. Сжал. Так, что тот замер.

— Отойди, — сурово нахмурив брови произнёс Ризван, — Я сам отвезу домой госпожу Мехмедову.

Голос был спокойный. Но в этом спокойствии было столько сдержанного гнева, что Тимур замер, даже не пытаясь спорить.

Кармен почувствовала это телом.

Этот тон.

Эту власть.

Тимур посмотрел на него. Потом, вопросительно на Кармен.

— Всё в порядке, — сказала она, но голос дрогнул.

Ризван не смотрел на неё. Он смотрел на водителя.

— Я сказал, уйди, — тихо прошипел он сквозь зубы.

В этом «тихо» было слишком много угрозы. Тимур сглотнул, кивнул и отступил. Дверь захлопнулась.

А Ризван с львиной грацией подошел к Кармен и пронзительно взглянув в её глаза открыл дверцу машины:

— Садись.

Не просьба. Приказ.

— Ты не имеешь права, — прошептала она.

— Имею, — пронзил её гневным взглядом и повторил, — Садись!

Она села. Потому что знала, если останется стоять, то он просто поднимет её и посадит сам. Безнадёжно вздохнув, Кармен повиновалась.

Ризван обошёл машину, сел за руль. Захлопнул дверь так, что металл глухо отозвался в ночи.

В машине стало тесно.

Слишком тесно для двоих, которые пытаются не касаться друг друга.

Он завёл двигатель резко. Машина рванула.

Кармен резко повернулась к нему.

— Ты что делаешь?!

Он даже не посмотрел.

— То, что должен был сделать раньше.

Вырулил с парковки слишком быстро. Слишком уверенно. Свет фонарей резал глаза, ночь летела навстречу.

— Не гони так, лучше останови машину, — сказала она, дрожь в голосе выдавала волнение.

— Нет, — лишь рявкнул в ответ Ризван.

Он гнал.

Не ради скорости.

Ради того, чтобы не чувствовать.

— Ризван, это уже не смешно!

Он сжал руль. Костяшки побелели.

— Ты вышла туда, как на бой, — яростно прорычал он, — Вызов бросила всем. Мужикам. Горам. Без платка. Без защиты. С открытой спиной. Думаешь, это просто так заканчивается? Думаешь, мужчины смотрят просто так?

— Я не просила тебя меня спасать!

— А я не спрашивал! — суровый голос прозвучал на тон выше.

Он резко повернул руль. Кармен вжалась в сиденье.

— Ты всегда так! — выпалила она, — Решил, значит сделал. Ушёл, так ушёл. А вернулся, и снова всё ломаешь!

Он усмехнулся. Коротко. Злобно.

Кармен безнадёжно фыркнула закатив глаза, тяжело выдохнула и отвернулась к окну.

— Я не твоя собственность!

— Ты моя слабость! — сорвалось у него.

Тишина взорвалась.

Она рассмеялась. Резко. Почти истерично.

— Слабость? — повернулась к нему Кармен, — Ты исчез на два года! Без слов! Без объяснений! А теперь говоришь мне про слабость?!

Он бросил на неё взгляд. Один. Этого хватило.

Её голос дрогнул.

Но она не отвела взгляд.

— Я собирала себя по кускам, Ризван. Без тебя.

— Я ушёл, чтобы ты жила! — процедил он, — Чтобы тебя не убили.

— А я жила? — её голос срывался от сдерживаемой ярости, — Ты хоть раз спросил?!

Она смотрела на него. Глаза блестели. Дыхание сбивалось.

Машина летела. Дорога уходила вниз, серпантин темнел.

— Ты знаешь, каково это — дышать, когда тебя разрывает изнутри? — продолжала она, заводясь на каждом слове, — Когда каждую ночь ты ждёшь шаги, которых не будет?!

Он резко ударил по рулю ладонью.

— Хватит!

— Нет! — она подалась к нему, — Ты не имеешь права затыкать меня! Ты ушёл! Ты сделал свой выбор!

Ризван резко сбросил передачу. Мотор взвыл. Машину дёрнуло. Скорость упала. Кармен подалась вперёд, ремень впился в плечо.

Он повернулся к ней. Близко. Слишком.

— Я выбрал, чтобы ты была жива, — сказал он хрипло, — А не лежала в земле из-за меня.

Протянул руку. Не думая. Пальцы легли на её запястье.

Тепло.

Пульс.

Он почувствовал, как она дрожит.

Не от страха.

От него.

— Убери руку… — прошептала она.

Он не убрал. Большой палец едва заметно скользнул по внутренней стороне запястья. Там, где кожа тонкая. Там, где бьётся жизнь.

Кармен неосознанно прикрыла веки. А он наклонился. И теперь их губы разделял воздух.

Горячий.

Опасный.

Её пальцы сами сжались в ткань его рубашки.

Ещё миллиметр — и всё!

Она чувствовала его дыхание у своих губ. Чувствовала, как его тело тянется к ней.

И хотела. Жаждала ощутить его поцелуй на своих губах…

Ненавидя себя за это.

Между ними повисла тишина. Тяжёлая. Горячая.

Её грудь поднималась быстро. Глаза блестели.

— Не смей… — прошептала она, вдруг нарушая тишину, — Не смей смотреть на меня так.

Он коснулся её подбородка. Не сжал. Просто держал.

— А как мне на тебя смотреть, Кармен? — тихо прошептал Ризван сквозь зубы, — Как на чужую?

Она замерла. Кожа под его пальцами вспыхнула.

— Убери руку… — задыхаясь от жара его рук выдохнула Кармен.

И вновь он проигнорировал её слова, не убрал. Лишь усмехнулся. Как дьявол во плоти. Так плотоядно, что мурашки побежали по коже.

— Ты вся дрожишь, — наивно заботливо проговорил Ризван, не выпуская руль и мастерски продолжая выруливать по дороге.

— От злости! — выпалила с раздражением Кармен.

— Врёшь, — нагло усмехнулся Ризван, наклонился ближе.

Опасно близко.

Запах его накрыл, моментально сводя с ума… металл, кожа, ночь...

Между их губами осталось ничего.

Одно дыхание.

Она закрыла глаза.

И в этот момент машину чуть повело в сторону.

Ризван инстинктивно нажал на тормоз. Педаль ушла в пол. Без сопротивления. Без отклика.

— Ризван… — прошептала испуганно девушка.

Он нажал сильнее.

Ничего.

Ещё раз.

Пустота.

Руль стал тяжёлым. В груди стало холодно.

— Чёрт… — выдохнул он.

Машину повело. Не резко — предательски плавно, как будто дорога решила убрать опору из-под колёс.

Глава 19

Ризван среагировал мгновенно.

— Держись, — сказал он уже спокойно. Слишком спокойно.

Он не стал давить тормоз до конца, это было бы смертью. Вместо этого резко сбросил газ, выкрутил руль в сторону скалы, туда, где камень был ближе, чем обрыв. Машину качнуло, повело боком, шины завизжали, цепляясь за каменную крошку.

Кармен вцепилась в сиденье.

— Риз… — голос предательски задрожал.

— Смотри на меня, — приказал он, не отрывая взгляда от дороги, — Только на меня.

Он намеренно дал машине лечь на бок, подставляя кузов под склон, чтобы срезать скорость. Первый удар был глухим, скользящим, металл прошёлся по камню, срывая искры. Второй — сильнее. Машину развернуло, она перевернулась, прокатившись по уклону, но не ушла вниз, застряла между выступами скалы и кустарником.

Резко осела тишина. А потом — треск горячего металла.

Запах бензина и жжёной резины ещё стоял в воздухе, когда всё стихло.

Не сразу.

Не резко.

А так, как стихает буря, оставляя после себя дрожь.

Машина лежала на боку, упираясь в каменную стену серпантина. Не в пропасти. Не в кювете. В скале.

Удар был глухим. Сломанным. Но, главное, наименее опасный для жизни и травм.

Кармен висела на ремне, дышала рывками. Она пришла в себя от боли в груди и чужого дыхания у самого уха.

— Кармен… слышишь меня? — голос Ризвана был хриплым, сорванным, слишком близко.

Она вдохнула — резко, судорожно — и тут же зашипела.

— Не двигайся, — сказал он мгновенно, — Посмотри на меня.

Она открыла глаза.

Он был перевёрнут относительно неё. Лицо в тени, но глаза, чёткие, напряжённые, живые. Его рука лежала на её груди, не там, где хотелось бы, а там, где проверяют дыхание.

— Ты… — выдохнула она, — Ты с ума сошёл…

— Живая, — перебил он, и в этом слове было всё, — Чёрт… ты живая. Хвала Аллаху!

Он убрал руку только тогда, когда убедился, что она дышит ровно.

Металл скрипнул. Где-то капала жидкость. Тепло в салоне было ненормальным.

— Нам нужно выбираться, — сказал он уже жёстко, — Немедленно.

Она кивнула. Голова гудела. Плечо горело, но боль была живой, а значит, она жива.

Ризван первым отстегнулся, ударился о потолок, выругался сквозь зубы. Потянулся к ней.

— Сейчас, — сказал тихо, чтобы не спугнуть её еще больше, — Не шевелись резко.

Разрезал ремень ножом. Кармен упала ему в руки — неловко, близко, слишком близко. Их лбы на секунду соприкоснулись. Она почувствовала его дыхание. Частое. Горячее.

Такое волнительное.

Где-то в глубине машины что-то щёлкнуло. Ризван резко поднял голову.

— Выходим. Сейчас.

Он выбил стекло локтем. Раз. Второй. С третьего, стекло сдалось. Холодный ночной воздух ударил в лицо. Ризван выбрался первым, потом вернулся за ней. Взял не на руки — на себя, осторожно, но быстро. Поставил на землю, удерживая за талию чуть дольше, чем было нужно.

Кармен вцепилась в него. Инстинктивно. Обхватила его за шею, не думая. Не выбирая. Потому, что иначе, просто упадёт.

И он почувствовал.

Тело её дрожало. Не от холода. От отката.

— Всё, — сказал он тихо, прижимая её к себе, когда они отошли на несколько метров, — Всё. Я с тобой.

Она уткнулась лбом ему в плечо. На секунду. Только на одну.

— Я думала… — начала она и не договорила.

— Я знаю, — ласково прошептал Ризван поглаживая по спине, — Я тоже.

И прижал её к себе. Так сильно, будто проверял, действительно живая ли.

Она чуть всхлипнула. Он чувствовал её дыхание сквозь ткань. Чувствовал, как её руки медленно сжимаются на его куртке.

— Ты мог погибнуть… — прошептала Кармен, всё еще находясь под воздействием шока.

— Ты тоже.

Он чуть отстранился, чтобы взглянуть в глаза, поднял её лицо ладонью. Пальцы грубо провели по щеке.

Не ласково.

Жадно.

Ночь вокруг была тихой. Слишком тихой.

— Ризван… — она сжала его куртку, — Я думала, мы…

Он вновь прижал её к себе резко, почти болезненно.

— Ты понимаешь, что я бы не пережил этого?

Она посмотрела на него. И в этом взгляде не было больше гордости.

Только правда.

— Не смей думать об этом, — сказал он глухо, почти в губы, поглаживая одной рукой испуганное лицо девушки, — Я не позволю тебе умереть. Никогда.

И в этот несуразный миг, между ними вспыхнуло.

Не мысль — тело.

Руки.

Дыхание.

Животный, рвущийся импульс. Живы! Значит, не всё потеряно.

Он наклонился к ней. Слишком близко. И на этот раз не остановился в миллиметре.

Его губы коснулись её. Как удар молнии. Поцелуй был горячий. Резкий. Короткий. Но такой, от которого тело вспыхнуло целиком. Её пальцы вцепились в его шею. Он же прижал её к себе сильнее.

Камень скалы за её спиной был холодным.

Он — горячим.

Страх смерти сорвал все запреты. Кармен закрыла глаза растворяясь в эйфории. Но в этот момент фары выхватили их из темноты.

— Твою мать… — раздался взбудораженный голос.

Реальность обрушилась мгновенно, вынуждая их разорвать жадные объятия.

Это был Булат.

Он остановился резко, выскочил из машины, оценил картину одним взглядом.

— Живы? — лишь смог произнести он шокировано.

— Да, — сказал Ризван, — Вызывай скорую. И эвакуатор. Быстро.

Булат уже доставал телефон, но, отходя, бросил взгляд на них двоих.

Слишком близко стояла эта парочка.

Слишком непредсказуемым стал Ризван для его понимания.

Булат выдержал паузу и гневно бросил:

— Вы вообще понимаете, насколько это было опасно? Вы неслись, как сумасшедшие!

Ризван медленно отпустил Кармен.

Слишком медленно.

Она всё ещё чувствовала тепло его ладоней на коже.

— Потом, — сказал он Булату, — Всё потом. А сейчас, просто отвези её домой. Пусть её осмотрят врачи.

Кармен посмотрела на него. Глаза блестели. Не от слёз — от несказанного.

«Ты опять уйдёшь?» — читалось разочарование в этом взгляде, непроизнесённое вслух.

Он наклонился к её уху.

— Нет, — прошептал он, словно отвечая на её немой вопрос, — Теперь, я никуда не денусь.

Прижался губами к её волосам, вдыхая такой родной аромат желанной женщины. И не мог оторваться от неё.

Булат кашлянул.

— Я, конечно, рад, что вы живы… но, может, уже поедем, пока эта машина не решила взорваться?

Кармен позволила увести себя. Но, садясь в другую машину, оглянулась.

Ризван стоял у разбитого автомобиля, сжимая кулаки, глядя ей вслед.

Они оба знали… если бы не Булат… могло произойти непоправимое…

Глава 20

Ночь стала слишком тихой. Так бывает только после того, как смерть проходит рядом, и не забирает.

Ризван стоял у разбитой машины, не двигаясь. Металл ещё потрескивал. Где-то внутри шипела охлаждающая жидкость. Запах горелой резины смешивался с холодным горным воздухом.

Он смотрел на смятый кузов. И видел не машину.

Её.

Её голову, запрокинутую на ремне. Её губы, побелевшие. Её отчаянный крик: «Ризван…»

Он медленно провёл ладонью по лицу. Рука дрожала. Это взбесило его больше всего.

Он не имел права дрожать.

Не сейчас.

Не тогда, когда он осознал, что кто-то покушается на её жизнь...

Ризван подошёл ближе к машине. Присел на корточки. Провёл пальцами по колесу. По тормозному диску. По разорванному шлангу, из которого вытекала тёмная жидкость. И замер.

Взгляд стал холодным.

Это не просто катастрофа. Случайность.

Нет!

Все признаки явной подставы.

Специально…

Он выпрямился. Достал телефон. Несколько секунд просто смотрел на экран.

Лишь одно имя сейчас приходило на ум.

Иса.

Не мешкая, нажал вызов. Раздражающе длинные гудки без ответа рождали в нём ярость. Не находя себе места, он переминался с ноги на ногу, оглядывая окрестность.

Гудки продолжались.

Один.

Второй.

Третий.

— Да, — наконец, раздался сонный, но мгновенно собранный голос.

— Проснись.

Тишина на той стороне стала внимательной.

— Я уже не сплю, — спокойно ответил Иса, — Что случилось?

Ризван смотрел на машину.

— У неё отказали тормоза.

Мгновенная пауза лишь подтверждала догадку следователя, о ком шла речь. И молчание было коротким, но опасным.

— Она жива? — спросил Иса.

— Да, — еле выдохнул Ризван, страшась даже подумать, что могло произойти, не окажись он случайно рядом.

Он произнёс это тихо. Но в этом слове было столько, что любой понял бы, это единственное, что удерживает мир от разрушения.

— Где ты? — спросил Иса, дыша урывками, явно указывая на его торопливые сборы.

— На трассе к южному серпантину.

— Я понял.

Ризван сжал телефон сильнее и процедил сквозь зубы:

— Я хочу знать всё.

Не просьба.

Приказ!

— Кто к ней прикасался. Кто обслуживал машину. Кто видел её сегодня.

Он сделал паузу. Голос стал ниже. Опаснее.

— Я хочу имена всех причастных, понятно, Иса?!

На той стороне не было удивления, только спокойный ответ:

— Будет.

Ризван провёл взглядом по разбитой машине. По искорёженной двери. По тёмной полосе тормозной жидкости на асфальте.

— Найди мне эту мразь, Иса — процедил сквозь зубы Ризван.

Голос был спокойный. Но от него становилось холоднее, чем от ночного ветра. Иса молча слушал его, лишь мерное дыхание нарушало тишину в трубке.

Ризван закрыл глаза на секунду.

Перед глазами вспыхнуло, как она прижималась к нему после аварии. Как её пальцы цеплялись за его куртку. Как она дышала ему в шею.

«Жива. Главное, жива. Иначе я сожгу этот мир до пепла!»

Он открыл глаза. Внутри уже не было страха.

Только холод.

— И ещё, — добавил он.

— Да.

— Никто не должен знать, что это не случайность. Пока.

— Даже Рашид?

— Даже он. Я сам решу, как будет умирать этот ублюдок, — голос стал ниже на тон, но опаснее вдвойне, — Пусть думают, что им повезло.

Иса вздохнул в трубку и молча слушал, будто переваривал мысль.

Ризван посмотрел на пропасть внизу. Чёрную. Голодную. Куда чуть было не занесло машину. Туда, где их могло уже не быть.

— А когда они расслабятся… — продолжил Ризван, после минутной паузы, — Я сам с ними поговорю.

Иса тихо выдохнул:

— Я понял.

Ризван нажал сброс. Несколько секунд смотрел на экран телефона. Ветер прошёлся по склону, завывая, как дикий зверь. Он медленно поднял голову, и набрал другой номер.

Гудок.

Второй.

Третий.

— Да, — прозвучал ответ в трубке.

Голос Рашида был спокойным. Фоном слышалась музыка банкета. Голоса гостей. Жизнь, которая ещё не знала, что произошло.

Ризван сказал прямо, без прикрас:

— Мы попали в аварию.

Музыка на том конце будто исчезла.

— Где Карина?

— Жива.

Рашид замолчал. Пауза была не долгой.

— Где ты? — более жёстче произнес он.

— Южный серпантин, — не успел договорить Ризван, что отправил Кармен домой, как обеспокоенный отец прервал его одним словом:

— Я еду.

Рашид не задавал лишних вопросов. Он просто отключился.

***

В зале всё ещё играла музыка. Гости смеялись. Бокалы сталкивались. Когда Рашид вернулся, разговоры почти не стихли. Но он уже был другим.

Холоднее.

Жёстче.

— Рашид-ага, всё в порядке? — спросил кто-то из гостей.

Он взял пиджак.

— Продолжайте вечер, — лишь коротко ответил хозяин праздника, и вышел.

Никто не стал его останавливать, потому что все знали, если Рашид уходит с собственного банкета, значит произошло что-то серьёзное.

Глава 21

Ворота открылись раньше, чем машина успела полностью остановиться. Фары резанули по каменной стене дома, по ступеням, по фигуре у входа.

Ризван стоял неподвижно, когда машина остановилась, двигатель ещё работал, но Рашид уже вышел. Дверь хлопнула. Они встретились взглядом. Ни приветствия. Ни вопросов. Только тишина между двумя мужчинами.

Рашид подошёл ближе. Его глаза сразу скользнули по разорванной куртке Ризвана. По крови на костяшках. По царапинам на лице. Он всё понял без слов.

— Где она? — спросил он.

— В комнате, — напряжение в голосе Ризвана всё еще ощущалось, после случившегося, — Врач уже был. Ничего серьёзного.

Рашид выдохнул едва заметно, и только после этого спросил:

— Что произошло?

Ризван не стал скрывать.

— Отказали тормоза.

Рашид замер, взгляд стал внимательнее.

— Ты уверен?

— Да.

Тишина снова легла между ними. Будто обдало холодным ветром. Рашид смотрел на него долго. Так, как смотрят на человека, от которого зависит слишком многое.

— Ты был за рулём?

— Да.

— Почему?

Ризван не мешкал с ответом:

— Потому что не хотел отпускать её одну.

Эта правда прозвучала без пафоса. Рашид медленно кивнул. Потому что видел перед собой мужчину, который только что вытаскивал его дочь из перевёрнутой машины. Мужчину, который не убежал. Не спрятался. И не перекладывал ответственность.

— Ты спас её, — сказал Рашид.

Это не было вопросом. И Ризван не ответил, промолчал. Он просто выдержал его пристальный взгляд. Рашид же посмотрел в сторону двора, где в темноте стояла разбитая машина. Потом снова на Ризвана.

— Это не похоже на случайность.

Фраза прозвучала тихо, но в ней было слишком много смысла. Ризван сделал короткую паузу.

— Я разберусь.

Никаких оправданий.

Никаких объяснений.

Рашид внимательно смотрел на него. Он знал Ризвана давно. Слишком давно. Ещё с тех времён, когда был жив его отец — старый товарищ Рашида. Когда-то они шли рядом, но жизнь развела их по разным дорогам.

Прошли годы.

И лишь два года назад судьба снова свела их — уже с повзрослевшим Ризваном.

Тогда Рашид принял его рядом с собой. Впустил в дом. Сделал партнёром.

И ни разу не пожалел.

С каждым днём убеждаясь, что сын его старого друга стоит дороже многих кровных родственников. Поэтому он и не задавал лишних вопросов. Ризван не был человеком пустых слов. Он был человеком действий.

И Рашид просто сказал:

— Найди того, кто это сделал.

Теперь это звучало уже как приказ. И как доверие.

Ризван кивнул.

— Найду.

Тишина между ними стала другой.

Тяжёлой.

Мужской.

Рашид сделал шаг ближе. Остановился почти вплотную.

— Сегодня моя дочь жива… потому что ты был рядом.

Он сказал это спокойно. Но в этих словах было всё. И вновь Ризван ничего не ответил. Потому что ответ был не нужен. Рашид посмотрел на него ещё секунду, и вдруг добавил:

— Я не забываю такие вещи.

И вновь в голосе Рашида звучала сталь. Не как благодарность, а как обещание. Он развернулся, сделал несколько шагов к дому, но у двери остановился. И даже не оборачиваясь, сказал:

— Останься сегодня.

Ризван понял, что это значит. Это был не приказ. Это было место в доме.

Рашид вошёл внутрь, а Ризван остался стоять во дворе. С холодным ветром в горах. С разбитой машиной за спиной. И с пониманием, что теперь эта война касается не только Рашида. Теперь она касается его. И того, кто решил тронуть Кармен… ещё пожалеет об этом.

Этой выходкой, тот подписал себе приговор.

***

Комната была тихой. Слишком тихой после того, как несколько часов назад мир перевернулся.

Врач ушёл. Медсестра тоже. Они казали, что ничего серьёзного. Ушиб плеча, пара ссадин, сильный стресс.

Кармен кивнула поблагодарив, и даже не спорила. Но когда дверь закрылась, тишина вдруг стала тяжёлой. Она сидела на кровати, опустив руки на колени. Пальцы всё ещё дрожали. Перед глазами вспыхнул момент.

Скрип металла. Уходящая из-под колёс дорога.

И его голос.

Тихий. Жёсткий.

«Смотри на меня!»

Она тогда действительно смотрела. Не на смерть.

На него.

Кармен закрыла глаза, и вдруг ясно вспомнила другое.

Не удар.

Не переворот машины.

Его руки.

Как он вытаскивал её. Как прижимал к себе. Как его сердце билось где-то у её виска.

Она резко вдохнула.

— Чёрт…

И тут же рассердилась на себя.

Нет!

Нельзя.

Не после всего, что было.

Она ненавидела его.

Должна была ненавидеть. Но тело почему-то помнило другое. Как будто рядом с ним становилось… безопасно.

Кармен провела ладонью по лицу.

— Это просто стресс, — прошептала она.

Но внутри уже появилось чувство, которое она боялась признать.

Рядом с Ризваном её защита трескалась.

Глава 22

Тишина в комнате была уже не пугающей. Она просто… была. Кармен сидела на кровати, подтянув ноги, и сжимала пальцами ткань простыни, будто пыталась удержать себя внутри собственного тела. Смотрела в окно, где свет во дворе всё ещё горел. И там, внизу, стоял он.

Ризван.

Неподвижный, как будто его поставили туда охранять не дом, а именно её.

Она резко отвела взгляд.

— Хватит… — прошептала сама себе, но сердце не слушалось.

В этот момент за спиной тихо скрипнула дверь, и Кармен обернулась. В проёме стояла девочка. Лет двенадцати. Может, тринадцати. С длинными тёмными волосами, заплетёнными в косу. А в глазах — осторожность… и что-то ещё.

Восхищение.

Она не входила сразу. Просто стояла.

— Можно?.. — неловко замялась девочка у двери.

Кармен удивлённо моргнула.

— Заходи.

Она шагнула внутрь. Так осторожно, будто боялась спугнуть.

— Я… — она замялась, — я Саида.

Кармен кивнула.

— Знаю. Ты дочь Самира?

Девочка слегка смутилась.

— Да.

Они молча смотрели друг на друга, и вдруг Саида выдохнула:

— Я видела, как ты танцевала.

Кармен чуть напряглась. Тема была… болезненной. Но в голосе девочки не было насмешки, только чистый восторг.

— Это было… — Саида не могла подобрать слова, — как будто ты не боялась никого.

Кармен застыла на миг. Слова задели глубже, чем должны были.

— Это не так, — тихо сказала она.

— Нет, — уверенно покачала головой Саида, — ты не смотрела ни на кого.

И снова замолчала, а потом, добавила, уже почти шёпотом:

— Только на него.

Сердце Кармен резко ударило в рёбра. Слишком сильно. Слишком откровенно. Ритм сбился, и она осторожно отвела взгляд, чтобы не выдавать своего смятения.

— Ты ошибаешься, — постаралась улыбнуться ей, только голос прозвучал слабее, чем она хотела.

Саида подошла ближе. Села на край кровати. В её глазах горел блеск очарования.

— Научи меня. Я тоже так хочу.

Девочка, вдруг вскочила с места и начала повторять движения из танца Кармен — сбиваясь, путая руки, но с таким упрямством, будто от этого зависело что-то важное.

Кармен удивлённо посмотрела на неё.

— Чему?

— Так двигаться. Так… чувствовать музыку.

Она засмущалась, но всё же сказала:

— Я хочу, чтобы на меня тоже так смотрели… с замиранием сердца…

В голосе девчушки было столько детской непосредственности, что Кармен не сдержалась и тихо усмехнулась. Правда, улыбка получилась вымученной и горькой от печали. Она застыла на секунду, и в груди неприятно сжалось. Она ведь знала, как именно смотрят… и чем это заканчивается.

— Поверь, ты этого не хочешь.

Саида нахмурилась.

— Хочу. Правда.

И это прозвучало так упрямо, по-детски искренне, что Кармен не смогла не улыбнуться вновь. И в этот раз, по-настоящему.

— Это не просто танец, — сказала она мягче, — Это… твоё состояние.

— Тогда научи меня этому состоянию, — упрямо ответила девочка.

Кармен смотрела на неё, и вдруг почувствовала странное тепло. Не связанное с болью. Не связанное с Ризваном.

Просто — жизнь.

Она медленно кивнула.

— Хорошо.

Глаза Саиды вспыхнули от радости.

— Правда?

— Правда.

В этот момент дверь снова открылась. На пороге стоял Рашид. Он будто окаменел на секунду, увидев их вместе.

Кармен и свою внучку рядом с ней.

Их улыбки, искреннее ликование и блеск в глазах внучки, что не решался встревать в их диалог сразу. Просто смотрел.

Кармен повернулась к нему.

— Отец…

Он подошёл ближе. Перевёл взгляд на Саиду.

— Ты что здесь делаешь?

Голос был спокойным, но в нём было достаточно власти, чтобы любой взрослый сделал шаг назад.

Саида — не сделала. Она даже не сдвинулась с места. Только чуть приподняла подбородок и посмотрела на него так, как позволяла себе только она.

Она ведь, любимая внучка. Единственная, кому он позволял не подчиняться сразу. И именно поэтому она сейчас стояла здесь. Не в зале. Не среди гостей.

Рядом с ним.

— Я… — она замялась, но не от страха, а скорее подбирая слова, — я пришла к тётушке… познакомиться поближе.

Рашид посмотрел на дочь, и вдруг заметил то, чего не было раньше. Дочь выглядела… иначе. Не сломленной, наоборот, будто начала оживать.

Кармен тихо сказала:

— Она хочет учиться танцевать.

Рашид посмотрел на Саиду, будто задумался, опешил. В уголке его губ едва заметно дрогнула тень усмешки. Затем перевёл взгляд на Кармен.

— И ты согласилась?

Кармен кивнула, и вдруг сказала, уже увереннее:

— Я не могу просто сидеть здесь, — её голос дрогнул, и она резко сжала пальцы, — Я начинаю задыхаться.

Он молчал, просто слушал.

— Я сойду с ума, если буду только… сидеть и думать, взаперти… в этих четырёх стенах, — добавила она.

Это было сказано так искренне. Честно. Без прикрас.

Рашид сделал глубокий вдох, словно обдумывал серьёзность решения.

— Дай мне заняться с девочками, пожалуйста, отец.

Он всё еще молчал. Пауза стала глубокой. Но, Кармен выдержала его взгляд.

— Не ради развлечения. Ради… — она запнулась, сделала выдох и продолжила, — чтобы не развалиться. Я чувствую себя чужой, в этом огромном доме…

Это было правдой. Рашид это услышал, и наконец, медленно кивнул.

— Утром тебе подготовят зал.

Саида резко вдохнула и захлопала в ладоши от умиления, что невозможно было скрыть в её детских глазах.

— Правда?!

Он чуть усмехнулся.

— Правда.

И внучка налетела на деда, так внезапно, заключила его в свои детские объятия, что Рашид с трудом удержал равновесие.

Кармен слегка улыбнулась, и в её глазах появилось облегчение. Настоящее. Долгожданное.

Рашид повернулся к выходу, но на секунду задержался. Посмотрел на дочь, и тихо сказал:

— Делай то, что помогает тебе стоять.

Он вышел. Дверь закрылась, и в комнате снова стало тихо. Но теперь эта тишина была другой. Тёплой и радушной.

Саида повернулась к Кармен, сияя:

— Мы начнём завтра?

Кармен кивнула.

— Завтра.

И впервые за весь вечер подумала не о нём. А о том, что у неё есть причина встать утром. Но где-то глубоко внутри она знала: это не спасёт её от Ризвана.

Только отсрочит.

Но сейчас, её не заботило на сколько это опасно для них.

Потому что, в данный момент, для неё опаснее всего было думать о нём… только о нём.

Глава 23

Следующие дни протекали размеренно. Слишком спокойно для того, что произошло.

Рашид сдержал слово, но помещение появилось не само. Ризван взял это на себя, как всегда — без обсуждений. Без разрешения. Просто сделал.

Здание находилось на окраине аула. Ниже — каменные дома, крыши, дым из труб. Выше — горы. Величественные и наблюдающие. Дорога к нему вела узкой лентой вдоль склона, и воздух здесь был другим — холоднее, чище, с привкусом камня и ветра.

Кармен остановилась. Вдохнула глубже.

— Красиво, — тихо сказала она, медленно шагая по тропе и разглядывая окрестности.

— Это ещё мягко сказано, — улыбнулся ей в ответ Ризван.

Она могла поехать, машина была готова, но отказалась, желая пройтись и оглядеться вокруг.

Он не стал ей перечить, лишь посмотрел и кивнул, зная её настырный характер.

Они шли пешком, не торопливо. Камни под ногами перекатывались, ветер трепал волосы, солнце цеплялось за склоны. А чуть позади, не приближаясь, двигались машины охраны, будто тени.

Кармен провела ладонью по воздуху, будто пыталась поймать этот момент.

— Здесь… иначе дышится.

— Потому что здесь нельзя дышать вполсилы, — ответил он.

Она усмехнулась.

— Ты даже пейзаж превращаешь в угрозу.

— Это не пейзаж, — спокойно сказал Ризван, — Это горы. Они не прощают ошибок.

Он пристально смотрел на неё, что Кармен не выдержала и отвела взгляд.

Они прошли мимо обрыва. Невыносимо резкого и безумно глубокого. Кармен невольно замедлилась. Взгляд скользнул вниз.

Она невольно ужаснулась.

— Здесь часто падают? — спросила она.

— Если теряют внимание — да.

Он сказал это спокойно, и слишком прямо, что Кармен вздрогнула, и повернулась к нему.

— Ты сейчас про дорогу… или про жизнь?

Он посмотрел на неё. Угол его губ чуть дрогнул.

— Про всё.

Тишина между ними не была пустой. Она была наполненной…

Недосказанным.

Кармен чувствовала его рядом, как напряжение перед грозой. Он не касался, просто был. И пауза была опасной.

Она отвела взгляд первой.

— Самодовольный, — нахмурившись выпалила Кармен.

— Осторожный, — пожал он плечами в ответ.

— Контролирующий! — парировала она внезапно.

— Всего лишь живой, — и вновь уголок его губ дёрнулся.

Она фыркнула, но губы чуть дрогнули в ответной улыбке.

— Ты всё ещё думаешь, что это случайность? — спросила она вдруг невзначай, шагая дальше.

Он не ответил сразу, но взгляд стал холоднее.

— Нет.

Всего одно слово, но в нём было всё. Она почувствовала это всем телом. Сердце ударило в рёбра сильнее, чем должно было. И она не сразу поняла — это страх высоты… или он.

— Значит, ты знаешь больше, чем говоришь.

Он посмотрел на неё в этот раз внимательно. Очень внимательно.

— Я всегда знаю больше.

— И всё равно молчишь, — разочарованно сжала губы Кармен.

Он наклонился ближе. Настолько, что она почувствовала его дыхание. Горячее. Даже слишком. И это было хуже любого прикосновения.

— Потому что пока рано.

Его голос звучал прозвучал так тихо, что дыхание сбилось.

Снова.

Они стояли слишком близко. На краю обрыва… и не только.

— Пошли, — сказал он резко, и первым отвернулся.

Иначе… если бы остался ещё на секунду, вряд ли бы смог остановиться.

***

Впереди показалось здание, оно оказалось старым, но не заброшенным. Не мёртвым. Скорее — пережившим своё время.

Старый Дом культуры.

Когда-то здесь собирался весь аул. Звучала музыка. Стук каблуков отдавался по полу. Мужчины выходили в круг. Женщины — держали взгляд.

Здесь танцевали лезгинку.

Гордую. Резкую. Живую.

Кармен остановилась у входа, дверь уже была открыта. Ризван вошёл первым, позволяя ей замедлится. Будто знал, как войдя, Кармен остолбенеет от восторга.

И она вошла внутрь, застыла на мгновение.

Ни пыли. Ни запустения.

Пол — отшлифован.

Свет — чистый, падает через высокие окна.

Стены — обновлены, но не стерты до безликости.

Сцена — будто сохранена, в ожидании её прихода...

Она почувствовала его руку на всей подготовке студии для танцев, его характер.

— Ты… — она чуть повернула голову к нему, — подготовил всё?

— Да, — так просто и без пафоса ответил Ризван, что Кармен даже не нашлась что ответить.

Она медленно прошла в центр зала, босыми ногами. Пол был тёплым, будто жизнь кипела в этом помещении, а не пустовало все эти годы.

— Здесь раньше танцевали, — сказал он.

— Я знаю, — она остановилась, повернулась к сцене, — И будут снова.

Ризван смотрел на неё не отрывая взгляда. Наблюдал, как она поднялась на сцену. Медленно, с трепетом, будто входила не в зал, а открывала дверь в воспоминания.

Секунда тишины, и вдруг, движение. Не резкое. Не демонстративное. А мягкое, текущее, совсем не то, что было здесь раньше.

Её тело двигалось иначе. Не с вызовом, и не с силой.

Чувства вырывались изнутри, как пламя, что медленно разгоралось от дуновения ветерка.

Ризван не двинулся, просто замер. Взгляд стал тяжелее. Чувство опасности не покидало его.

Он знал этот зал.

Знал, как здесь двигались.

Знал, как смотрели.

Но сейчас… это было другое.

Она не танцевала для зала, и не для людей. Даже не для девочек. Она танцевала так, будто забывала дышать. И он всегда это видел.

Кармен вдруг остановилась. Так резко, будто почувствовала. Повернула голову, и встретилась с его взглядом.

Тишина мгновенно окружила всё помещение. Она продолжала стоять на сцене. А он — внизу.

Как раньше.

И всё-таки… уже не так.

— Не смотри так, — тихо сказала она.

Он сделал шаг вперёд.

— Как?

Она не ответила. Он, итак, знал ответ. Ризван медленно подошёл ближе к самой сцене.

— Это место… — сказал он, не отрывая взгляда от неё, — привыкло к другому.

— Привыкнет, — тихо произнесла она, и медленно наклонила голову.

— Или сломается, — добавил он.

Она чуть усмехнулась.

— Тогда посмотрим, кто кого.

И вновь, тишина между ними стала плотнее.

Ризван молча поднялся на сцену.

Шаги не торопливые. Скорее даже ленивые, размеренные. Один шаг, и расстояние исчезло. Теперь они были на одном уровне. Смотрели друг другу глаза в глаза. Только стояли… слишком близко. Опасно близко. Ещё шаг, и уже не будет границы. Она это поняла раньше него. Отчётливо поняла, если он сейчас наклонится, она его не остановит. И всё равно, не отступила.

— Ты всегда так идёшь до конца? — тихо, почти ласково проговорил он.

— Только когда уже поздно останавливаться.

Его взгляд скользнул по её лицу, губам, шее. Так медленно, что мурашки пробежались по коже. Губы непроизвольно приоткрылись, она даже не заметила. Зато он — заметил. Его пальцы едва сжались в кулак, но лёгкий хруст эхом раздался в её ушах.

Время будто остановилось. А глаза продолжали вести свой диалог. Где-то за дверью послышались голоса девочек. Смех. Шаги.

И Кармен первой отвела взгляд.

— У нас занятие, — сказала она.

Он не ответил, только сделал шаг назад. Не торопясь, с грацией хищника, что медленно наблюдает за добычей. Бросил еще раз на неё взгляд, и спустился со сцены.

Кармен облегченно выдохнула. Слишком резко, и с щепоткой разочарования. Понимала, что только что чуть было не сорвалась. И это пугало её сильнее всего. Она будто находилась в собственной ловушке, где нет выхода.

… и он — тоже!

Глава 24

Кармен спустилась со сцены и обратно надела туфли. Осторожно, как будто переходила границу. Каблуки тихо застучали по полу, отдаваясь эхом.

Она закрыла глаза на секунду, и выдохнула, чтобы вернуть себе ровное дыхание. Чтобы не показывать свою растерянность при своих ученицах.

Дверь резко распахнулась.

— Мы пришли!

Голос Саиды разорвал тишину. За ней вошли ещё три девочки. Смущённые. Любопытные. Шепчущиеся.

Кармен улыбнулась. В этот момент она изменилась, это было видно сразу. Её плечи выпрямились. Взгляд стал мягче. Но внутри появилась сила. Настоящая, что делала её особенной.

— Разувайтесь, — сказала она, и девочки засуетились.

Сразу же раздались звуки восторга. Они смеялись, толкались, торопились успеть. И вот, Саида уже стояла рядом с ней. Глаза её горели в нетерпеливом ожидании.

— С чего начнём?

Кармен посмотрела на них. На маленькие руки. На напряжённые плечи. На страх. Медленно подошла к центру зала и сказала:

— С тишины.

Девочки замерли.

— Музыка — это не звук, — сказала она спокойно, — Это то, что внутри.

Она сделала шаг. Медленно. Плавно. Её рука поднялась — не резко, а будто воздух сам поднял её. Плечо повернулось. Бёдра чуть сместились. И вдруг… зал перестал быть пустым.

Ризван стоял у стены. В тени. Он не собирался уходить, но и заходить внутрь не решался, чтобы не мешать им заниматься.

Кармен показывала ученицам каждое движение плавно, без усилия. Без демонстрации превосходства. Но в каждом её движении было то, от чего невозможно было отвести взгляд.

Она не просто показывала. Она жила этим.

— Не повторяйте, — сказала она тихо.

Девочки вновь опешили и перестали двигаться.

— Сначала… почувствуйте.

Ризван сжал пальцы. Он не смотрел на девочек. Только на неё.

Как её ступни касаются пола.

Как спина выпрямляется.

Как дыхание ведёт движение…

В голове вновь заиграла музыка. Гитара будто плакала, а струны растягивались с каждым «па»…

Он помнил это. Слишком хорошо.

Его взгляд не двигался, только пальцы. Они медленно сжимались в кулак и разжимались. Снова и снова. Так сильно, будто он удерживал себя не подойти.

Кармен чувствовала его взгляд. Осторожно остановилась и обернулась в его сторону. Их взгляды встретились. Всего мгновение, но такое бесконечное, как сама вечность.

Одно лишь мгновение, было достаточно, чтобы она знала.

Он здесь.

Он смотрит.

Не отводит глаз… как и прежде.

Как всегда.

Её грудь поднялась резче. Как будто кто-то коснулся её изнутри. Живот стянуло, тепло разлилось ниже, и это было не от танца. Её накрыло жаром. Моментально. Но она не отвела взгляд. И Ризван не двинулся. Не сделал ни шага. Но в его взгляде было то, что невозможно было скрыть.

Желание.

Не грубое.

Хуже… сдержанное.

Кармен медленно облизнула губы. Неосознанно.

Он это увидел, и его дыхание сбилось.

Совсем чуть-чуть.

Но этого хватило.

И в этот момент он нервно сглотнул, и стиснул зубы.

— Саида, — сказала она, не отрывая взгляда от него, — подойди.

Девочка подбежала. Кармен взяла её за руки. Только её внимание было уже не здесь.

— Расслабь плечи, — тихо сказала она.

Но её собственные плечи были напряжены.

Кармен перевела дыхание и вынудила себя отвернуться.

Ризван сделал шаг вперёд. Всего один.

Этого хватило.

Чтобы она сорвалась… она это почувствовала не глазами. Телом.

Как приближение жара.

Кармен резко отпустила Саиду.

— Перерыв.

Девочки зашумели.

— Уже?

— Почему?

— Мы только начали!

Она не ответила, лишь приложила палец к губам, требуя тишины. Затем медленно развернулась, и пошла к окну. Очень быстро, но при этом не чувствуя ног.

Он подошёл следом. Остановился рядом. Не касаясь, но слишком близко. Между ними оставалось меньше ладони, но кожа уже реагировала, будто он касался.

— Ты сбежала, — тихо сказал он.

Она смотрела вперёд. Пальцы непроизвольно сами сжались в кулак. Ногти впились в ладонь так больно, чтобы стряхнуть наваждение. Чтобы не развернуться к нему.

— Нет, — слишком резко прозвучал её ответ.

— Да, — чуть ли не прорычал Ризван, довольный собой.

Она не ответила, лишь продолжала вглядываться вдаль. В пустоту за окном.

— Ты не выдержала. Ты помнишь…

Она усмехнулась, совсем слабо.

— А ты?

Секунда напряженного молчания, и он наклонился чуть ближе. Его голос стал ниже.

— Я держусь.

Она закрыла глаза на секунду.

— Зря.

Между ними стало горячо, и слишком тревожно. Воздух словно стал плотнее, тяжелее. Его стало ничтожно мало.

— Не подходи ко мне так, — прошептала она.

— Как?

— Как будто…

Она замолчала.

— Как будто ты всё еще моя?! — закончил он.

Она резко повернулась, и оказалась почти прижата к его груди. Так близко он стоял, что острый парфюм ударил в ноздри, вскружил голову. Но опаснее всего был его запах мужской силы, до боли родной и знакомый. Вдохнула, и этим же вдохом себя предала, потому что тело узнало его раньше, чем разум успел остановить. От этого аромата, она чуть не задохнулась. Но стоило вдохнуть глубже, и стало только хуже. Её качнуло, она пыталась удержаться. Грудь едва заметно коснулась его.

Случайно.

Но от этого у неё перехватило дыхание.

А у него — сорвало его к черту.

Висок дёрнулся. Пальцы едва заметно сжались. Но, он не двинулся. Замер, как изваяние. Только, это была не выдержка. Это была борьба. И он… проигрывал. С каждой секундой.

— Ты не имеешь права, — чуть слышно выдохнула Кармен.

— Я знаю, — жестко и коротко произнёс он.

И вновь сжал челюсти, что скрежет зубов эхом отозвался в сердце. Это «знаю» повисло между ними, как преграда. Хлёсткая пощечина. Напоминание былого счастья. Слишком быстрый и резкий ответ, будто он сам себе это повторял. Не единожды.

Вдруг его рука поднялась. Остановилась у её щеки, и не коснулась. Но кожа уже отреагировала. Мурашки прошли по шее вниз, под одежду, глубже… туда, где становилось опасно. Кармен сквозь зубы втянула воздух. И замерла.

Не от страха.

От ожидания.

Напряжение нарастало. Достаточно было малейшей искры, чтобы произошел взрыв.

— *Mi fuego!*..— выдохнул он почти в её губы.

Так тихо прозвучало, будто сорвалось с его губ случайно. Так, как говорят, когда на грани…

Он замолчал.

Потому что сам знал, остановиться потом… уже не получится.

В этот миг, Кармен часто задышала. В груди стало тесно. Губы чуть дрогнули. Приоткрылись. Это стало последней границей.

— Не надо… — прошептала она.

Но голос предал её, так как звучал сродни мольбе об обратном. И всё же она не отступила. Ни на шаг. Ни на миллиметр.

Между ними повисла пауза. Многозначительная, и такая опасная.

Он наклонился. Очень медленно, и очень близко… ещё чуть-чуть, и их губы бы столкнулись. Её дыхание уже касалось его. Смешивалось. Сжигало. Его пальцы дрогнули у её щеки. Всё еще не касаясь… но лаская на расстоянии, в миллиметре от нее. Почти.

И в этот момент он резко закрыл глаза. Стиснул зубы. И… остановился. Быстро убрал руку. Сделал шаг назад. Слишком быстро, будто оторвал себя силой.

— Не сейчас, — глухо сказал он.

Кармен выдохнула. Рвано. Слишком резко. Как будто только что не утонула, но поняла это с опозданием. В груди всё ещё горело так сильно, что самообладание почти капитулировало. И она испугалась, до жути.

Не его.

Себя!

Потому что… еще миг, и она бы не остановила… и что страшнее, не остановилась сама.

Из-за спины раздался спасительный голос Саиды:

— Мы можем продолжить?

Кармен закрыла глаза. Сжала пальцы в кулак и медленно разжала, собирая себя по кусочкам. Собралась с духом, чтобы не выдавать дрожь в теле, и медленно выдохнула:

— Да. Конечно.

Повернулась к девочкам. С трудом, натянула милую улыбку на лице. Руки всё ещё дрожали, неосознанно выдавая её состояние.

Ризван вышел не оборачиваясь.

Не было больше сил переносить эту пытку. Стоять рядом и не иметь возможности прикоснуться. Ещё секунда, и он вконец, не выдержит, не остановится.

Глава 25

Дни в студии протекали ровно, как будто ничего и не было. Ни его присутствия, ни его вмешательства в каждое её решение, ни его пылких взглядов…

Кармен жила в ритме движения: музыка, шаг, поворот, дыхание. Мышцы горели после каждой тренировки. Плечи ныли. Пальцы иногда дрожали от напряжения. И только в этом огне она не чувствовала его.

Девочки втягивались. Сначала неловко, потом — увереннее. К Саиде пришли ещё две её подружки. Смотрели на Кармен так, будто она могла научить их не только танцевать.

А быть.

Здесь и сейчас.

И она учила. Требуя дисциплины и полной отдачи. Жёстко. Требовательно. Иногда — слишком. Потому что это было единственное место, где она могла не думать.

О нём.

Ризван не появлялся эти несколько дней. Ни разу. Будто просто исчез, и в этот раз не попрощавшись… без объяснений.

И это бесило сильнее, чем если бы он стоял рядом.

Она ловила себя на том, что смотрит на дверь. Слишком часто.

И снова ждёт… также, как и тогда…

И каждый раз злилась на себя.

В прошлый раз, она с трудом пережила разлуку с ним. Больше такого не повторится! Раз за разом она твердила себе это, будто пыталась оставить клеймом надпись в памяти.

Никогда!

Ризван, для неё табу!

Только желанное и запретное сводило её с ума, выбивало из равновесия.

— Ещё раз, — резко сказала она.

Музыка остановилась и девочки замерли.

— Ты сегодня злая, — тихо заметила Саида.

И она была права. Кармен мысленно одёрнула себя и тихо выдохнула:

— Работайте.

***

Ризван не пропал, он просто ушёл в работу, с головой. Иначе, он просто сорвётся. Одержимая жажда обладания отключала ему рассудок. Он перестал соображать. Плохо спал. Почти не ел. Жуткий стояк изводил по ночам, а по утрам выворачивал наизнанку. Потому что тело предавало его. Каждую ночь. Напряжение не отпускало. Сводило с ума. Раньше это не было дилеммой для него. Помани он лишь пальцем, и любая красотка готова была согревать его постель хоть до утра. Только, сейчас было иначе. Любая попытка отвлечься заканчивалась одним — её образом.

Рука непроизвольно тянулась к окаменевшей плоти. Ни холодный душ, ни спарринг с Булатом, уже не помогали, чтобы остудить дикий зуд в штанах. И лишь работа, расследование, удерживали его в сознании. Следы. Связи. Люди. И Иса, который работал также на износ в последние месяцы.

Ризван как обычно пришел в клуб, после тяжелого рабочего дня, когда Иса появился в дверях неожиданно. Без предупреждения. Без звонка. Будто знал, что найдёт его именно тут. Сегодня.

Хотя, что юлить. Он почти не вылезал из клуба в последние дни. Работа — клуб. Клуб — работа. И больше ничего!

Ризван продолжал колотить грушу, не обращая на того внимание.

Удар.

Ещё один.

Груша скрипнула под кулаком. Пот стекал по вискам, дыхание рвалось, а он продолжал бить. Безжалостно, без остановки, будто бил того, кто посмел к ней прикоснуться. Всего лишь мысленно, в планах, в попытках навредить ей.

— Мы вышли на одну зацепку, — сказал он, даже не поздоровавшись.

Ризван не сел, и ему не предложил. Лишь остановился, небрежно хрустнул шеей и снял боксёрские перчатки. Медленно вытер пот с лица полотенцем, и спокойно спросил:

— Имя.

Иса выдержал взгляд.

— Рано.

Ризван чертыхнулся и злобно процедил:

— Я не спрашивал, рано или нет.

— Я работаю над этим, — спокойно ответил Иса, — Не мешай.

— Ты медленно работаешь.

— Я работаю по закону.

Ризван усмехнулся, глухо, с сарказмом.

— Закон не спасает, когда стреляют в спину.

Тишина резко осела и стала оглушающей. Ризван был прав по-своему, хоть Иса и не одобрял его методы.

— Связь есть, — сказал Иса, — с людьми, которые крутятся вокруг конкурентов Рашида.

— Каких?

— Пока не ясно. Слишком чисто.

Ризван сделал шаг ближе.

— Ты что-то скрываешь.

— Я проверяю.

— А если в это время её убьют?

Иса не ответил, лишь пристально посмотрел на него. Хуже всего было то, что он не отрицал. И такая вероятность была, однозначно.

— Поэтому и пришёл, — всё же произнес Иса, — Думаю, стоит перестраховаться. Конкурентам Рашида плевать, в отличие от тебя.

Ризван бросил злобный взгляд на того, но Иса не вздрогнул. Выдержал его взгляд и продолжил:

— Пригляди за ней, пока она не стала разменной монетой в игре Рашида.

Ризван сжал кулаки.

— Найди мне его, — тихо сказал он, — Кто бы это ни был.

Голос стал ниже, опасным до жути.

— Я должен вначале убедиться. А потом ты получишь его с потрохами, — только и сказал старый следователь, и перед уходом добавил, — Поторопись. Чую, что-то назревает.

***

Иса был прав.

Тысячу раз прав.

Ему не плевать, на чужие жизни. Тем более на жизнь Кармен. Её безопасность, вот что стало на первый план в его игре. Он должен спрятать её так, что даже Рашид не смог бы найти.

Пока.

На время его расследования.

Пока он не найдёт тех ублюдков, что покушались на её жизнь. И он пришёл за ней вечером. Без предупреждения. Как всегда.

Кармен уже собиралась уходить. Девочки давно разошлись по домам. Она их отпустила пораньше. А Тимур, почему-то задерживался. Каждый вечер, водитель забирал её в шесть. Уже почти пол седьмого. Это было не похожим на него. Она лишь пожала плечами и засобиралась домой.

Ключ был в руках, когда дверь резко открылась. Она даже не вздрогнула, при виде Ризвана. Только бровь взметнулась вверх, выдавая удивление.

— Поздно пришёл, — холодно сказала она.

Он закрыл дверь за собой. Щёлкнул замок.

— Ты поедешь со мной.

Не спрашивал. Не объяснял. Только поставил перед фактом.

Она медленно повернулась. Скрестила руки на груди, мысленно отстраняясь от него.

— Нет.

Он сделал шаг вперёд.

— Да.

В его глазах зажегся не добрый огонёк. Кармен нервно сглотнула.

— Я никуда с тобой не поеду.

— Поедешь, — и снова лишь констатация факта, не просьба.

— Я не вещь! — раздражённо бросила девушка, и попыталась пройти мимо него к закрытой двери.

Он резко оказался ближе. Схватил её за запястье и дёрнул на себя.

— Тогда перестань вести себя так, будто тебе всё равно.

Её тело отозвалось раньше, чем разум. Это было слишком честно, даже для неё самой, но она бросила ему в ответ с той же дерзостью, что и всегда:

— А тебе?

Он замолчал, и заскрежетал зубами. Этого было достаточно, чтобы она поняла.

Поняла, что спорить с ним бесполезно. И всё же Кармен сделала шаг ближе. Это было ошибкой.

Только когда это её останавливало?!

Ведь с ним, она не только теряла рассудок, возможность разумно мыслить, но и… самообладание.

— Ты исчез на несколько дней, — тихо прошипела она, но с нажимом, — А теперь приходишь и командуешь?

Он смотрел на неё. Жёстко.

— Я искал того, кто хотел навредить тебе.

Она замерла. Всего на секунду.

— Нашёл?

— Пока нет.

Ризван со свистом втянул воздух, от того, что беспомощен в данную минуту. Потому что не знает, кто враг и откуда ожидать удара. Отвёл взгляд на долю секунды и вновь посмотрел на неё.

— Тогда не смей решать за меня, — выпалила она.

Он шагнул ещё ближе. Теперь между ними почти не осталось воздуха.

— Я не решаю, — он яростно цедил слова, будто это могло вынудить её повиноваться, — Я не позволю, чтобы тебя снова попытались убить.

— Я не просила тебя!

— А я и не спрашивал!

Не слова, а удар воздухом. Она чуть отшатнулась от него и резко вдохнула.

— Ты всегда так!

— Что поделать, если ты не понимаешь, что это опасно!

— А ты не понимаешь, что я не принадлежу тебе!

И снова, эта жуткая тишина.

Он замер, будто соглашался с тем, что она права. И вдруг тихо процедил сквозь зубы:

— Принадлежишь.

Она вскинула взгляд.

— Не смей…

— Ты, мой огонь. Моя жажда. Мой воздух… — перебил он, — Mi fuego…

Голос сорвался. И в этом было всё. Одного слова было достаточно. Можно было не перечислять. Она прочла всё это в его глазах, что почернели страшнее ночи.

Кармен замерла, а он сделал шаг.

Последний.

Теперь она была прижата к нему. Так что, грудь почти касалась его при каждом вдохе. Слишком близко. Слишком откровенно.

— Ты даже не понимаешь, что со мной делаешь… — хрипло сказал он.

Она смотрела прямо. Не отступая. И не желая отстраняться. Сейчас в ней преобладало другое желание, только произнесла совсем другое:

— Тогда отпусти.

Он усмехнулся.

— Поздно.

И это было единственной правдой для обоих.

Поздно было сопротивляться. Они уже зашли слишком далеко, и оба это знали.

Он притянул её к себе. Так резко, что Кармен не сразу поняла…

Она ударилась о его грудь, и замерла. На секунду. В ожидании.

Губы приоткрылись, сами, непроизвольно. Попыталась сделать вдох. Ощутила, как грудь трётся при этом об его грудь. И дыхание сбилось. В груди что-то сжалось, соски начали покалывать, а кожа под его руками вспыхнула. Слишком остро. Слишком живо.

А потом ответила. Её руки сами поднялись. Вцепились в него. И всё сорвалось.

Она сама нашла его губы, но он опередил её. Впился так жадно, как страждущий в пустыне. Поцелуй был жёстким, голодным. Он целовал её так, будто пытался стереть все эти годы. Грубо и глубоко, без права на дыхание. Слишком долгим для тех, кто должен был остановиться.

Она не остановила. Наоборот, ответила с той же яростью и страстью, что копилась эти годы. Со всей злостью и болью, что тлела в груди.

Даже сильнее.

Его руки сжались на её талии. Притянули ближе.

— Ризван… — выдохнула она, но уже не отталкивая.

Пото

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.